

СТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 24.

15 ДЕКАБРЯ.

1908 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ III

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

С.-Петербургъ, Площадь Маринскаго театра, 6.

- А. Куприна.** „Слозь“ разсказъ для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.
- Н. Манаскина.** Разсказы для дѣтей. Съ иллюстраціями художниковъ: **Т. Гиппиусъ, В. Замирайло, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Сабашниковой, П. Соловьевой, (Allegro)** и **Е. Чичаговой.** Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** коп.
- П. Соловьевой (Allegro).** „Елка“. Стихи для дѣтей, съ рисунками автора, **Т. Гиппиусъ** и др. Цѣна въ переплетѣ **1** р., въ обложкѣ **50** к.
- Анатоль Франсъ.** „Пчелка“. Сказка. Переводъ **Н. Манаскиной.** Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.
- М. С. Безобразовой.** „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Цѣна **25** к.
- В. П. Поливанова.** „Воронъ—„Индѣйцы“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Новыя изданія журнала „ТРОПИНКА“.

- В. Малахѣва-Мировичъ.** „Золотой домъ“. Разсказы для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** к., въ обложкѣ **1** р.
- О. Бгльевская.** „Капель“. Стихи. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.
- „Семилѣтка“. Народныя сказки въ пересказѣ **П. Соловьевой (Allegro).** Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **80** к., въ обложкѣ **50** к.
- Джэкъ Лондонъ** „Буеъ“. (Исторія одной собаки). Переводъ **Н. Манаскиной.** Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.
- Allegro.** Отерытты въ краскахъ. „Дѣти зимой“. Серія въ 12 открытокъ высылается черезъ редакцію за **40** к., подписчикамъ «Тропинки» за **25** к.
- Н. Манаскиной.** „На Рождествѣ“. Три разсказа для дѣтей съ рисунками: **Т. Гиппиусъ, Г. Нарбута** и **П. Соловьевой.**
- П. Соловьевой (Allegro).** „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стихахъ, съ рисунками. Цѣна **20** к.
- П. Соловьевой.** „Первое Апрелья“. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Цѣна **15** к.

Выписывающіе книги и открытки черезъ редакцію, за пересылку не платятъ.

1908 годъ.

Декабрь № 24.

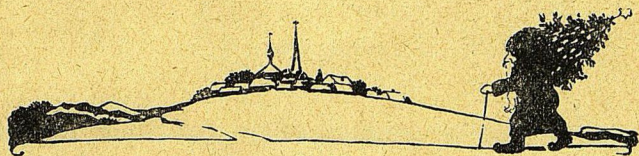

ЖУРНАЛЪ

ТРОПИИКА.

Содержаніе.

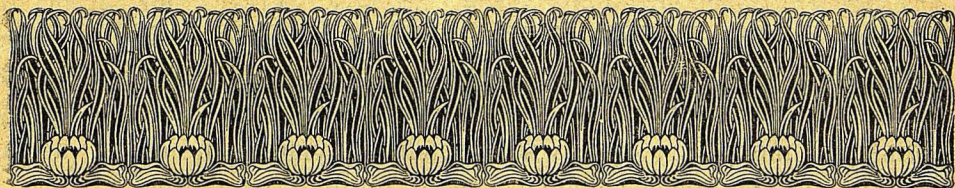
1. Христосъ родился—стихотвореніе *К. Бальмонта*.
2. Волшебница—разсказъ *Н. Манасеиной*. Съ рисунками *Т. Гиппиусъ*.
3. За Христомъ (легенда)—*П. Соловьевой*.
4. Дѣти въ Англіи—*А. Крапоткиной*.
5. Сѣверная легенда—стихотвореніе *О. Бяляевской*.
6. Хвала Пресвятой Дѣвѣ — итальянская дѣтская пѣсня. Музыка *Лоренцо Перози*. Переводъ итальянскаго текста *О. Чюминой*.
7. Ребусъ № 8.
8. Шарады.
9. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 23-мъ №.
10. Объявленіе.
11. Содержаніе „Тропинки“ за 1908 г.

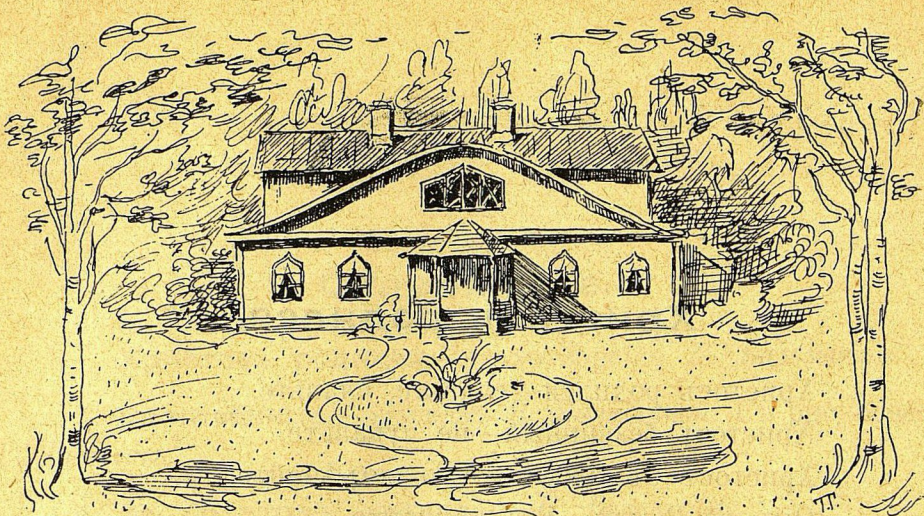

Христосъ родился.

Христосъ родился—славьте, славьте,
Христосъ безвинный—не лукавьте,
Христосъ съ Небесъ—Его встрѣчайте,
Онъ на Землѣ—Его вѣнчайте.
Христосъ есть вѣсть—Ее храните,
Христосъ цвѣтокъ—Его любите,
Христосъ озябъ—Его укройте,
Христосъ глядитъ—о, пойте, пойте!

К. Бальмонтъ.

ВОЛШЕБНИЦА

ВСЕ сразу измѣнилось, когда изъ деревни ихъ перевезли въ городъ.

Всю жизнь Лева, Маня, Гуля и Бобикъ, самый непорочистый мопсикъ на свѣтѣ, жили въ деревнѣ. Жили сначала съ отцемъ и матерью, а потомъ, какъ умеръ отецъ, съ одной матерью. Домъ у нихъ былъ старый и не очень просторный, а на зиму еще нѣкоторыя комнаты запирали, чтобы не топить. Но на тѣсноту не жаловались. Передъ домомъ былъ большой дворъ, за домомъ старый запущенный садъ, а за садомъ и дворомъ—деревья, лѣсъ, поля и весь Божій мiръ.

И всегда всѣ четверо они бывали вмѣстѣ, вмѣстѣ и дома, и во дворѣ, и въ саду, и на прогулкахъ. Даже, когда старшіе, Лева и Маня, занимались съ матерью, шестилѣтняя Гуля и Бобикъ устраивались гдѣ нибудь поблизости. Гуля рисовала,

а Бобикъ спалъ. Кончался урокъ и они, опять вчетверомъ, спѣшили гулять или играть въ милыя, привычныя игры.

Лѣтомъ играли около пруда, играли въ овражкѣ, заросшемъ дикимъ малинникомъ, зимой играли во дворѣ, а когда случалась непогода и выходить изъ дома было нельзя, одѣвались въ теплое, шли въ большую нетопленную залу и тамъ играли въ экспедицію, занесенную снѣгомъ, въ стадо тюленей и въ снѣжную королеву. Игра „въ снѣжную королеву“ была самая любимая.

У Гули были саночки, обитыя краснымъ бархатомъ. Она на нихъ усаживалась и ждала. Маня, въ мѣховой материнской шубѣ, была королевой. Сани устраивались изъ стараго большого кресла, лошадей дѣлали изъ стульевъ и дѣлали такъ чудесно, что Гуля едва успѣвала прицѣпиться къ санямъ, такія это выходили быстроногія лошади. И мчались онѣ вихремъ. Такъ летѣли, что даже духъ захватывало.

И вдругъ все остановилось: и игры, и прогулки, и самая жизнь.

Подъ осень расхворалась мать.

Еще когда поспѣвали вишни, она цѣлыми днями варила въ саду на жаровнѣ варенье и смоквы, а когда отошли вишни и стали наливаться яблоки, и на тѣнистой дорожкѣ сада у забора чуть-чуть запахло прѣлымъ листомъ,—она уже не выходила изъ своей комнаты съ окошками, затѣненными зелеными жалюзи.

Тогда то и пріѣхала тетя, маленькая, худенькая, въ очкахъ, съ гладко причесанными волосами. Тетя была мамина сестра, но были онѣ совсѣмъ разныя. Гуля сказала, что тетя изюминка, а мама—яблочко. Съ ней не согласились, стали спорить, а въ концѣ концовъ порѣшили, что мама, хотя и не яблочко, а тетя на изюминку очень похожа.

И вотъ, тетя-изюминка стала всѣмъ распоряжаться: и домою и дѣтьми. А мама все лежала.

И когда сняли яблоки и желтый листь усыпаль дорожки въ саду, мама умерла, а тетя стала собираться въ Петербургъ.

Когда уѣзжали, дѣтямъ было все все равно.

Молчаливыя, точно застывшія, они позволяли дѣлать съ собою, что угодно.

Мамы нѣтъ, такъ пускай ужъ и ничего не будетъ. Совсѣмъ ничего.

Тетя бѣгала, хлопотала, за всѣхъ суетилась.

Передъ крыльцомъ стоялъ тарантасъ. На крыльцѣ стояли закутанныя дѣти. Манинъ башлыкъ съ желтой кисточкой очутился на головѣ у Леры, Левинъ—на Манѣ. У Гули на рукахъ чужія варезки, такія большія. И никто не спорилъ: не все ли равно, чей башлыкъ, чьи варезки. Одно не все равно: это свѣжая насыпь у церковной ограды. Утромъ на нее снесли цвѣты, все, что удѣлѣло на клумбахъ собрали въ огромный букетъ. Цвѣты были темные, холодные отъ тяжелой осенней росы.

— Кажется, теперь все!—Тетя оглядѣла тарантасъ. Изъ подъ поднятаго верха торчатъ ручки зонтиковъ, узелки, мѣшочки. Назади у кузова цѣлая гора чемодановъ, корзины, и сверху всего— Гулины саночки. Тетя ихъ брать не хотѣла, говорила, что въ городѣ и кататься на нихъ нельзя, что саночки старыя, что везти ихъ не стоитъ; лучше ужъ въ Петербургѣ купить новыя. Но Гуля настояла. Тетя, хотя и была строгая,—уступила. Саночки прикрутили веревкой и они вверхъ полозьями тоже собрались въ Петербургъ.

— Все! Садитесь, ѣдемъ!—И вдругъ тетины глаза, прикрытые стеклами очковъ, остановились на Бобикѣ.

Онъ сидѣлъ на крыльцѣ рядомъ съ Гулей. Ему казалось,

что собрались гулять куда то очень далеко или играть во что то совсѣмъ новое. Вздрагивая отъ волненія, онъ перебиралъ лапками и не спускалъ съ дѣтей своихъ умныхъ, большихъ, блестящихъ и выпуклыхъ, какъ у самаго настоящаго мопса, глазъ.

— Пускай ктонибудь возьметъ собаку,—распорядилась тетя.

Но не „ктонибудь“, а сама Гуля обхватила обѣими руками длинную шею Бобика.

— Не дамъ! Бобикъ всегда съ нами.

А Лева и Маня оба смотрятъ на тетку.

Растерялась тетя, попробовала доказывать, что Бобик у въ деревнѣ будетъ лучше, что въ Петербургѣ и для него, и для всѣхъ съ нимъ будетъ мученье.

— А безъ Бобика мы не поѣдемъ,—сказалъ Лева, сказалъ это спокойно, но такъ, что тетя сразу замолчала.

— Ну, если такъ,—помолчавъ, сказала она,—то ужъ пускай ѣдетъ и вашъ уродъ.

Тетя это со смѣхомъ сказала.

Ей хотѣлось шуткой разогнать неприятное впечатлѣніе, но Гуля такъ настроилась, что шутокъ уже не понимала.

Быстро повернула она въ сторону тети все красное, гнѣвное лицо.

— Бобикъ не уродъ, сами вы...—

Такъ и выкрикнула, хорошо что конецъ фразы пришея въ Манину ладонь, а въ Гулино ухо зашелестѣли слова о томъ, что „тетя мамина сестра“.

Замолчала Гуля.

Крѣпко стиснувъ пальцами ошейникъ Бобика, проглотила она невыплаканныя слезы. Бобикъ разволновался. Такъ и выкручиваетъ изъ ошейника голову, старается Гулю лизнуть.

Вмѣстѣ съ Бобикомъ Гуля влѣзла въ тарантасъ. И когда тетя, прямая, сухенькая, въ золотыхъ очкахъ, пришлась какъ разъ рядомъ съ собакой, дѣвочка перетащила Бобика на другую сторону. Тетѣ она не довѣряла. Тарантасъ тронулся. Порывъ осенняго вѣтра пахнулъ въ лица уѣзжавшимъ холодомъ, прѣлью, грибами. Какія то перелетныя птицы прокричали надъ кузовомъ.

Маня и Лева, точно сговорившись, высунулись изъ тарантаса, чтобы еще разъ взглянуть въ ту сторону, гдѣ оставалось то, что было ихъ жизнью; но густое облако пыли уже встало между ними и домомъ. Такъ они ничего и не видѣли. Молча и крѣпко пожалъ Лева Манину руку. Гуля обѣими руками притиснула къ себѣ Бобика. Утомленный суетой, неопредѣленностью и всѣмъ, что измучило въ эти дни его собачье сердце, онъ сладко похрапывалъ на Гулиныхъ колѣняхъ, по временамъ открывая въ перепугѣ круглые глаза, чтобы убѣдиться, что они всѣ четверо, какъ всегда, вмѣстѣ.

II.

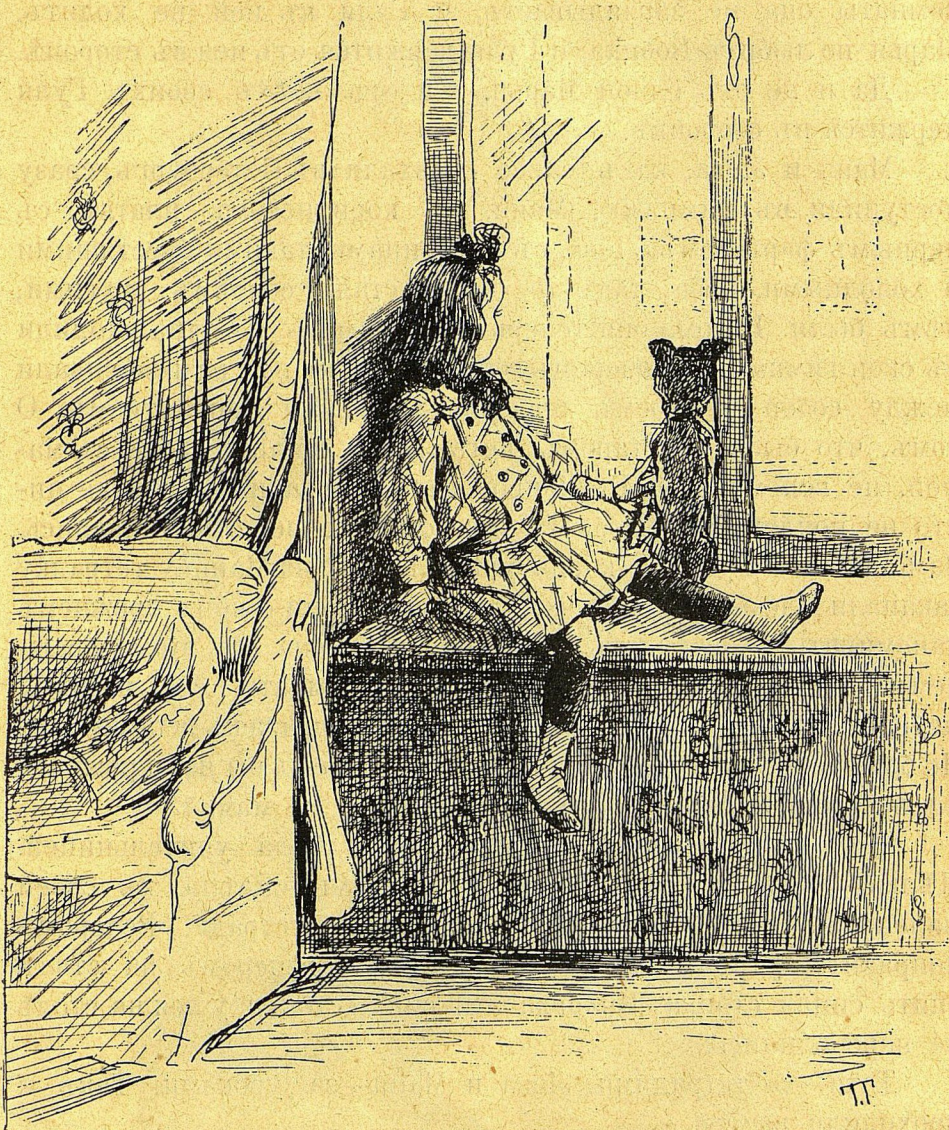
Такъ очутились они въ Петербургѣ.

Уже Декабрь, а зимы все нѣтъ. По запотѣвшему окну тянутся ручейки, заслоняя противоположную стѣну дома.

Гуля на подоконникѣ. Она старается рассмотреть, что дѣлается тамъ, напротивъ, въ окошкахъ, за которыми живетъ такъ много чужихъ людей. Съ пятаго этажа это такъ удобно. Всѣ окошки на виду и въ комнаты хорошо видно. Одна бѣда: ручейки мѣшаютъ. Все, точно черезъ кисейку, просвѣчиваетъ.

Гуля съ Бобикомъ одни во всей квартирѣ.

Въ кухнѣ еще возится прислуга Марья, но ее считать нечего. Она, все равно, что никого. Дѣла у нея много, въ

Гуля на подоконникѣ.

комнаты она не заглядываетъ, и Гуля къ ней не ходитъ. Марья не любитъ Бобика, и Гуля держится отъ нея въ сторонѣ.

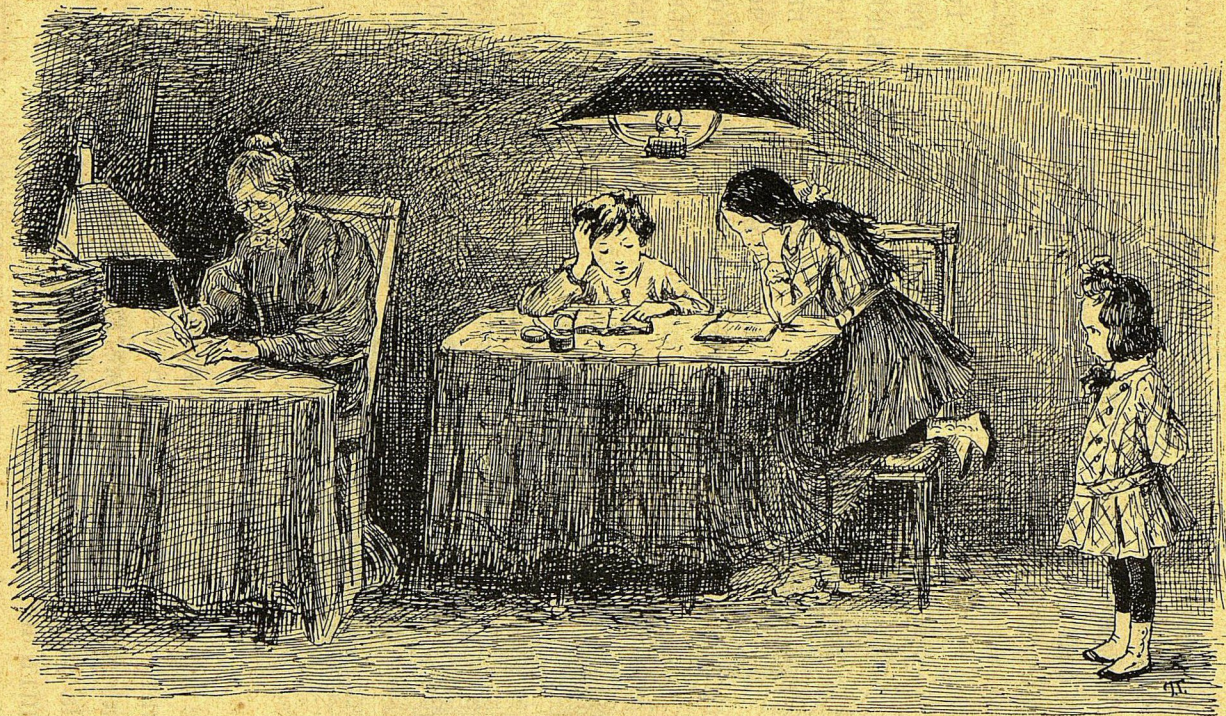
Да и не отъ одной Марьи, а и отъ всѣхъ своихъ Гуля держится въ сторонкѣ.

Маня и Лева, какъ только приѣхали въ Петербургъ, сразу поступили въ гимназію. Маня, въ коричневомъ платьѣ съ чернымъ фартукомъ, Лева, съ пуговицами, такими блестящими и холодными,—оба, какъ то сразу, стали совсѣмъ другими, чѣмъ были. И дома они теперь бывали мало. Съ утра уходили въ свои гимназіи, а вечеромъ готовили уроки или разговаривали между собой о своемъ новомъ, для Гули непонятномъ. О томъ, что было въ старомъ домѣ, когда жили вмѣстѣ съ мамой, не вспоминали. Гуля пробовала заговаривать, но ее никто не поддержаль, и братъ и сестра точно отмалчивались. Замолчала и Гуля. А когда увидѣла, что на Манину тетрадку закапали слезы, рѣшила, что уже никогда ни о чемъ прежнемъ напоминать и не будетъ. Сама про себя она объ этомъ прежнемъ часто думала. Вспоминала и комнаты съ любимой мебелью, и знакомыя дорожки въ саду, и овражекъ вспоминала. Но больше всего думала Гуля о мамѣ. О чемъ бы изъ прежняго ни вспоминала Гуля,—все было связано съ мамой.

Тетя съ утра тоже уходила. Она была учительницей. Цѣлый день давала уроки, а вечерами сидѣла въ своей маленькой комнатѣ и все поправляла тетради. Вечеромъ поправить, утромъ съ собой унесетъ, а вечеромъ на столѣ опять синяя стопка. Никогда эти синія стопки у нея на столѣ не переводились.

Тетя—за тетрадами, Лева и Маня—за уроками. Такъ и проходили вечера.

— Ты съ Бобикомъ погулять бы пошла,—сказала какъ то Гулѣ тетя.—Марьюшкѣ некогда и всѣмъ намъ тоже некогда.

Тетя—за тетрадами, Лева и Маня—за уроками. Такъ и проходили вечера.

Страшно обрадовался Бобикъ, когда услышалъ наконецъ милое, любимое, забытое слово: гулять! Онъ визжалъ и подпрыгивалъ выше Гулиной головы.

Давно они не гуляли!

Кубаремъ покатились съ лѣстницы.

— Гулять! Гулять! — Такъ и звенѣлъ Гулинъ голосъ. Бобикъ первый, съ разбѣга, выскочилъ на крыльцо.

Выскочилъ и сталъ.

Дворъ, точно высокій ящикъ въ темныхъ четырехугольникахъ. Четыреугольники — это окна. И сколько ихъ и всѣ, какъ одно, всѣ одинаковыя. Гдѣ свои, гдѣ чужія — не разобрать. Надъ ящикомъ четырехугольный кусокъ чего то сѣраго. Это небо. Подъ ногами асфальтъ, точно полъ въ комнатѣ, только

— Куда же гулять? —

ко глаже и весь черный, мокрый, гулкій такой.

Бобикъ все стоитъ, только голову повернулъ къ Гулѣ. Спрашиваетъ глазами: „куда же гулять?“

— На улицу пойдёмъ, — говоритъ Гуля, но голосъ у нея уже звучитъ не такъ звонко, какъ на лѣстницѣ.

Пошли по асфальту, вошли въ подворотную темноту. Во-

рота чугуны на заборъ. Черезъ рѣзбу просвѣчиваетъ улица, мелькаютъ извозчики, снуютъ прохожіе.

Бобикъ уже за подворотней, а Гуля замѣшкалась. Калоши тяжелыя, подворотня высокая. Не хватило терпѣнья у Бобика Гулю дожидаться и помчался онъ отъ воротъ. Встрѣчныхъ такъ и толкаетъ, подъ ноги подкатывается. И вдругъ вспомнилъ о Гулѣ. Гдѣ же она? Потерялъ! Круто и сразу повернулъ назадъ. А вотъ и она, потерянная! Такъ и стоитъ у чугунныхъ воротъ. Обрадовался Бобикъ, бросился къ Гулѣ, вылизалъ ей лицо, всю вымазалъ грязными лапами. Кто мимо проходилъ, всѣ смотрѣли, смѣялись, а Гулѣ плакать хотѣлось.

Домой она заторопилась. Подворотня точно еще выше стала, калоши еще тяжелѣе.

Нечего сказать, хорошо погуляли.

Вспомнились другія прогулки. Вотъ, когда гуляли, такъ гуляли. И бѣгали, и снѣжками бросались, и снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Бабу снѣжную какъ то слѣпили.. Еще тяжелѣе стало на душѣ, какъ все это вспомнилось.

А Марья торжественно развѣсила на вѣшалкѣ и пальто, и шапочку, и муфту. У пальто даже рукава раскинула.

— Пускай тетенька полюбуются, какъ прилично съ собакой гулять. Такъ до нея и чистить не стану.

Сказала и ушла къ себѣ въ кухню гремѣть кастрюлями.

А Гуля съ Бобикомъ поплелась въ комнаты.

Бобикъ чувствовалъ, что виноватъ, хотѣлъ какъ нибудь подлизнуться. Ничего не вышло. Гуля только отмахнулась. Понялъ Бобикъ, что надо выждать, и чтобы скорѣе прошло время, рѣшилъ соснуть. Легъ на свою подстилку у печки, свернулся калачикомъ, захрапѣлъ, какъ человѣкъ. А Гуля опять на подоконникъ залѣзла.

Вотъ въ одномъ изъ окошекъ огонь зажгли.

У стола дѣвочка въ коричневомъ съ чорнымъ фартукомъ. Стоитъ. Книги изъ портфеля вынимаетъ.

Разберетъ, потомъ пойдетъ въ столовую рядомъ, поѣстъ, а потомъ опять за столъ. Сядетъ и будетъ уроки готовить. Ну совѣмъ, какъ Маня.

Въ одной изъ квартиръ, этажемъ ниже, былъ гимназистъ. Онъ все дѣлалъ, какъ Лева.

А въ другихъ окнахъ и совѣмъ смотрѣть не на что. Все тамъ такое одинаковое, такое скучное.

Былъ во второмъ этажѣ цѣлый рядъ оконъ. Тамъ никогда не зажигали огня. Днемъ было видно, что на окошкахъ висятъ шторы и занавѣси. И вечсрами, среди освѣщенныхъ оконъ, этотъ темный рядъ казался таинственнымъ и жуткимъ.

— Почему тамъ никогда не зажигаютъ лампы?— какъ то спросила Гуля Марью.

— А оттого, что тамъ никто не живетъ. Квартира большущая, на цѣлый этажъ, и окошки сквозь. И на улицу есть, и на дворъ. Ходъ съ парадной. И съ мебелью квартира.

А людей нѣтъ никого. Пустая квартира.—

Хотѣлось Гулѣ еще разспросить Марьюшку, но какъ то не вышло.

А пустая квартира изъ ума не идетъ.

Вернулись Лева съ Маней. За уроки усѣлись. Гуля къ нимъ:

— Что я вамъ расскажу! Вы только послушайте.

И зашептала о пустой квартирѣ, гдѣ комнаты, какъ во дворцѣ, а въ комнатахъ и занавѣси, и лампы, и мебель золотая, и все, все стоитъ, дожидается. А въ квартирѣ нѣтъ никого. Ни души...

— Не наняли еще, значить,—спокойно вставилъ Лева и обмакнулъ перо въ чернильницу.

— А ты, Гуля, все на подоконникѣ торчишь, — тономъ старшей замѣтила Маня.—Смотри, простудишься.

Гуля поджала губы.

Какіе они стали неприятные, и Лева, и Маня.

Неприятные и ничего, ничего больше не понимаютъ, не хотятъ понимать. И играть, какъ прежде играли, тоже не хотятъ. Предложила имъ какъ то Гуля вспомнить старую любимую „экспедицію“. Куда тамъ! И разные „некогда“, и „не стоитъ“, и „пустяки“. Заважничали съ тѣхъ поръ, какъ поступили въ гимназію.

Совсѣмъ отстранилась отъ нихъ Гуля.

Они сами по себѣ, она сама по себѣ.

Когда всѣ дома, Гуля устраивается гдѣ нибудь въ уголкѣ съ Бобикомъ. Гуля что то ему говоритъ, какъ то они вдвоемъ играютъ. Тихо играютъ, чтобы никому не мѣшать: ни Левѣ съ Маней, ни тетѣ. А уйдутъ всѣ по своимъ дѣламъ,—Маня съ Левою въ гимназію, тетя—на уроки,—Гуля сейчасъ же на подоконникѣ. Смотритъ на скучныя окошки, а сама все о пустой квартирѣ думаетъ:

— Никого тамъ нѣтъ. Всегда никого. И все тамъ готово, и мебель золоченая разставлена, стоятъ кресла, диваны стоять. Стоятъ, ждутъ. Кого ждутъ?

И такъ много думъ у Гули о пустой квартирѣ, что другимъ уже и мѣста нѣтъ въ головѣ.

Съ пустой квартирой даже все прежнее какъ то далеко, далеко ушло.

— Барыня, Гулюшка безъ васъ съ подоконника не слѣзаетъ. Долго ли простудиться. Дѣло зимнее, — пожаловалась Марья тетѣ.

— Гуля, сколько раз я тебя просила этого не дѣлать,—
укоряетъ теть.—Почему ты не слушаешься?

— Скучно,—отвѣчаетъ Гуля.

— Выучу тебя читать. Хочешь?

— Нѣтъ.—

— Ну, это отъ бездѣлья. Вотъ тебѣ тетрадка. Пиши. Вотъ
другая — рисуй. А на Рождество я сама съ тобой займусь.
Выучу тебя читать. Хочешь?

— Нѣтъ. —

— Нѣтъ?! — Тетя удивлена и огорчена. — Но почему же ты не хочешь учиться, Гуля?

— Скучно, — отвѣчаетъ Гуля.

Тетя качаетъ головой. Лицо у нея разстроенное.

— Огорчаешь ты меня, Гуля. Не думала я, что ты такая дурочка.

Тетя вздыхаетъ, а Гуля съ злымъ лицомъ уходитъ изъ тетиной комнаты.

— Учиться! Не хочу учиться, не стану учиться! — выкрикиваетъ она въ отвѣтъ на Манины уговоры. Не хочу сидѣть, какъ вы, за книжками; и за тетрадками, какъ тетя-изюминка, тоже не хочу сидѣть.

III.

Падаютъ снѣжные хлопья. Падаютъ бѣлые и пушистые, падаютъ медленно, но непрерывно на черный асфальтъ.

Изъ окна, на которомъ сидитъ Гуля, ничего кромѣ этихъ хлопьевъ не видно. Пропала стѣна, пропали окошки. Въмѣсто нихъ однѣ бѣлые мохнатые хлопья — ничего больше.

— Зима! Наконецъ то! — радуется Гуля. — А снѣгъ то какой. Совсѣмъ такой, какъ бывалъ, когда они съ мамой жили. И какъ мама любила снѣгъ. „Точно бѣлыя бабочки закружились“, — такъ говорила она. И правда, точно бабочки бѣлыя, такъ и мелькаютъ за стекломъ снѣжныя хлопья. А вотъ тамъ, гдѣ хлопья тѣснѣе, точно бѣлый ангелъ. Ангелъ изъ снѣга, съ бѣлыми крыльями ангелъ... А можетъ быть и не изъ снѣга. Можетъ быть, настоящій Гулинъ ангелъ вмѣстѣ со снѣгомъ съ неба слетѣлъ. Слышаль, что Гулѣ скучно, ну и слетѣлъ... Можетъ быть, его мама послала взглянуть на Гулю, взглянуть и ей рассказать. Онъ и полетѣлъ. Развѣ такъ не бываетъ?

Все бываетъ. И вдругъ ангела нѣтъ. Улетѣлъ! Снѣжными хлопьями разсыпался. А на мѣстѣ ангела дерево. Старая липа подъ маминымъ окномъ. Зимой она такая бывала.

Звонятъ въ прихожей. Хлопаютъ дверь. Бобикъ сорвался съ подстилки, летитъ къ дверямъ. Входятъ Лева съ Маней. Румяные, волосы у нихъ мокрые.

— Ну и снѣгъ! Такъ и валить, такъ и валить,—говоритъ Лева, вытираетъ носовымъ платкомъ лицо, шею, а самъ смѣется:

— За воротникъ попало!—

— А вѣдь черезъ три дня Рождество!—вскрикиваетъ Маня.

— Рождество! Какъ же это? Никто не говорилъ... Забыли точно, а Рождество тутъ, какъ тутъ!—Это Гуля удивляется. А Лева и Маня хохочутъ. Надъ Гулей смѣются, смѣются надъ ея лицомъ, надъ ея вопросами.

— Ну и дурочка же ты, Гуля! Ужасная дурочка!—Сказали обидное и вдругъ сразу, въ одну минуту забыли о Гулѣ. Заговорили о конькахъ, заспорили о томъ, какіе лучше: Снѣгурочка или другіе, мудреные какіе то, даже названіе не запомнишь.

А Бобикъ около старшихъ такъ и юлитъ.

Веселые они. Онъ такихъ любитъ. И снѣгомъ отъ нихъ пахнетъ. Это тоже Бобикъ очень любитъ.

— И Бобикъ уже съ ними, — думаетъ Гуля. — Одна я, совсѣмъ одна.

А снѣгъ за окномъ все такъ и падаетъ, такъ и падаетъ.

IV.

Ночью проснулась Гуля. Крѣпко спала и вдругъ, точно кто то подтолкнулъ ее. Встала, сѣла на постели, прислушалась.

Все тихо, спятъ всѣ. Слышно, какъ рядомъ дышетъ Маня.

А снѣгъ? Снѣгъ то что? Пересталь или все еще падаетъ?

— Волшебница пріѣхала!

— Какая волшебница? Куда пріѣхала?

Бросилась къ окну Гуля. Такъ босикомъ и зашлепала. Заглянула въ стекло и застыла. Точно огневая лента опоясала

стѣну, такъ свѣтились окна пустой квартиры. А надъ ними и подъ ними была темнота. И снѣгъ уже не падалъ. Онъ покрылъ крышу, и трубы, и карнизы, и выступы, покрылъ чорный асфальтъ. Цѣлый день онъ падалъ, и теперь все было такое чистое, такое бѣлое.

А въ пустой квартирѣ во всѣхъ окошкахъ свѣтъ.

Тамъ то кто? Кого дождались наконецъ и комнаты, какъ во дворцѣ, и золотая мебель, и занавѣси? Кого же, кого?

И, точно отвѣтъ на всѣ вопросы, въ одномъ изъ освѣщенныхъ оконъ показалась женщина. Встала вся бѣлая, высокая, стройная у стекла и стоитъ. А за ней, въ глубинѣ комнаты, точно тѣни мелькаютъ. Люди какіе то, много людей. А она все стоитъ. Стоитъ красивая, бѣлая, куда то въ темноту смотреть. И вдругъ все поняла Гуля. Поняла и почему снѣгъ цѣлый день валилъ, поняла, почему онъ пересталъ, и кого дожидалась пустая квартира со всѣмъ ея великолѣпіемъ тоже поняла.

— Маня, Маня! — будила она сестру. — Да проснись же ты, Маня!

— А! Что случилось?

— Волшебница пріѣхала!

— Какая волшебница? Куда пріѣхала?

— Туда, въ квартиру пустую! Ты только взгляни.

И Гуля потащила Маню изъ кровати къ окну.

— Видишь? —

— Что видишь? Напугала ты меня. Вся тряусь я. На что смотрѣть то?

— Огонь видишь?

Огненной лентой была опоясана стѣна дома, но бѣлой женщины у окна уже не было. Въ томъ окнѣ, гдѣ она стояла, спустили бѣлую штору.

— Вотъ тамъ, тамъ, гдѣ теперь штора, стояла она! Видѣла я ее, своими глазами видѣла. Вся въ бѣломъ, съ короной на головѣ, такъ и стояла!

— Тише ты. Спать всѣ,—останавливала Маня сестру.—И чего только не придумаешь. Волшебница! Просто въ пустую квартиру переѣхали. Иди скорѣй въ постель, простудишься.

И Маня потянула Гулю отъ окошка, заставила лечь, закутала въ одѣяло и сама, ежась отъ холода, юркнула въ кровать рядомъ.

Нѣкоторое время все было тихо, и вдругъ опять послышался шопотъ:

— Ты, Маня, вотъ говоришь: просто переѣхали; ну а скажи, бываетъ такой свѣтъ въ окошкахъ, когда просто переѣзжаютъ? И ночью, когда всѣ уже спать?—

Гуля спрашивала такъ робко, такъ вкрадчиво, что Маня пересилила сонъ.

— Ну, значить у нихъ балъ. Переѣхали—и балъ. Спи, дурочка. Завтра...—Маня хотѣла еще что то сказать, но ничего не вышло. Сразу заснула.

На утро всѣ смѣялись надъ Гулей. Смѣялся Лева и тетя смѣялась, даже Марьюшка, и та подтрунивала.

Маня всѣмъ все рассказала.

Гуля молчала. Лицо у нея было довольное и ничуть не обиженное.

— Пускай не вѣрятъ—имъ же хуже, а я видѣла.

Нѣсколько разъ она уже заглядывала во дворъ. Окошки были, какъ всегда днемъ, но все кругомъ было совсѣмъ по другому. Все казалось такимъ свѣтлымъ, радостнымъ. Вездѣ лежалъ только что выпавшій снѣгъ, четырехугольникъ неба надъ дворомъ посинѣлъ. Солнце выглянуло.

— Скорѣй, скорѣй причеши меня, Маня.

И Гуля терпѣливо ждала, пока сестра расчесывала ей волосы, не дергала головой, не ворчала, какъ обыкновенно. И косички вышли лучше, чѣмъ всегда: туже, такъ и торчатъ. Маня посадила на каждую косицу по бантику.

— Готово!

Гуля уже въ кухнѣ, требуетъ, чтобы Марья, какъ можно скорѣй, сняла ей со шкапа саночки:

— Гулять съ ними пойду.

Достали саночки. Залежались они на шкапу. Бобикъ подскочилъ къ старымъ знакомымъ и отскочилъ. Ну, точно у него подъ самымъ носомъ раздавили „чертову табакерку“, такой круглый бѣлый грибокъ. Не разъ имъ угощалъ его Лева.

А Гуля около саночекъ такъ и хлопочетъ. Дочищаетъ, чего Марья не вычистила, и бархатная обивка сдѣлалась опять красной.

— Что это съ нашей Гулей? Ожила совсѣмъ. Гулять собирается.—Удивляются домашніе.—Вотъ, что значитъ снѣгъ. Всѣмъ веселѣе стало.

Распрощались всѣ съ Гулей и по своимъ дѣламъ пошли.

Стала собираться и Гуля.

— Ужъ собаку бы дома оставили. Изваляетъ она васъ и вмѣстѣ съ санками по снѣгу.—Такъ посовѣтовала Марья, но Гуля, въ отвѣтъ, только крикнула Бобика, и Марья не оставалось ничего больше, какъ запереть за ними обоими дверь.

VI.

Бѣлый чистый снѣгъ во дворѣ, бѣлый чистый снѣгъ на улицѣ. День морозный, солнечный. Снѣгъ скрипитъ и блеститъ и пахнетъ отъ него свѣжестью, холодкомъ и еще

чѣмъ то, отъ чего вспоминается столько милаго и хорошаго. И тихо такъ стало. Ни топота, ни скрипа. Точно пушистый коверъ вездѣ положили. А саночки повернуть негдѣ. Людей ужъ очень много. И ѣдутъ, и идутъ. Зазѣваешься—затолкають.

Бобикъ себя не помнитъ отъ восторга. Такъ всюду въ снѣгъ носомъ и тычется. Валяться придумалъ. Такъ и кувыркается.

— Бобикъ, Бобикъ!—кричитъ Гуля. — Задавятъ!

Но Бобикъ ее и не слышитъ, да и ей самой уже не до него.

— Это еще что? Тамъ что такое?—

Было рядомъ съ подъѣздомъ окно. За нимъ всегда лежали книжки, только такія, на которыя и смотрѣть не стоило. Скучныя, темныя. Такія Гулѣ у Левы съ Маней надоѣли. Не смотрѣла на нихъ Гуля. А теперь! За стекломъ все такъ и пестритъ, золота, серебра сколько. Чудесныя книжки. Можетъ быть и это оттого, что волшебница...

Оглянулась на подъѣздъ Гуля.

Возлѣ самага подъѣзда сани. Никогда такихъ чудныхъ саней Гуля не видала. И полость у нихъ цѣлый медвѣдь, только головы не хватаетъ. Лошади черныя, синяя сѣтка на нихъ. Спина у кучера широкая, важная.

И вдругъ, изъ подъѣзда швейцаръ выскочилъ. Выскочилъ, точно его выбросили. За нимъ дама. Высокая такая, въ бѣломъ мѣху. Идетъ такъ торжественно. Голову откинула, ни на кого не смотреть.

Стукнуло сердце у Гули. Вся она впередъ подалась. Отведенныя за спину руки крѣпче стиснули веревку отъ красныхъ саночекъ.

— Она! Она! Волшебница! Она стояла ночью въ огнѣ. Ёдетъ куда же? Сейчасъ уѣдетъ... Можетъ быть это она въ царство свое волшебное...

Изчезла улица, исчезли дома высокіе, каменные, такіе одинаковые, такіе сѣрые, скучные. Подхватила Гуля свои саночки и бросилась съ ними къ большимъ санямъ.

Запахнулась въ шубу бѣлая женщина. Швейцаръ застегнулъ полость. Хотѣлъ уже кучеръ лошадей тронуть и не тронулъ. Что то случилось за спиной бѣлой дамы. Туда и швейцаръ бросился, и дворникъ отъ воротъ побѣжалъ. Остановились прохожіе, тоже туда смотреть.

Обернулась и дама. Обернулась и испугалась.

Видитъ она, стоитъ за санями дѣвочка. Передъ ней саночки опрокинутыя. Вся въ снѣгу синяя шубка, шапочка на затылкѣ и красныя варежки тоже въ снѣгу.

Лицо у дѣвочки отчаянное. думала въ царство волшебное попасть и вдругъ...

Испугалась бѣлая дама. Подумала, что дѣвочку ушибли, полость откинула, выскочила изъ саней и побѣжала.

А съ другой стороны Бобикъ мчится. Заигрался онъ съ собаками, только теперь опомнился.

Увидала Гуля, что волшебница къ ней идетъ и сама бросилась ей навстрѣчу. Подняла кверху руки въ красныхъ варежкахъ, что то говорить. А что говорить, понять мудрено. Голосъ отъ волненія и перепуга срывается, да и слова все какія то странныя, непонятныя:

— Царство... волшебница... Въ царство хочу...

Бобикъ мечется, лаетъ. Кругомъ смѣются. Сама волшебница какъ будто ничего не понимаетъ, сдѣлала большіе глаза, а лицо такое, точно она о своемъ же собственномъ царствѣ въ первый разъ отъ Гули слышитъ.

А только она всетаки скоро все поняла. И какъ поняла, обрадовалась.

— Иди теперь къ себѣ домой, дѣвочка, и жди отъ меня посла. Скоро позову я тебя въ свое царство.

Такъ сказала волшебница, наклонилась, поцѣловала Гулю, сѣла въ сани. Умчалась.

VII.

И вышла же исторія.

Никто ничего не могъ разобратъ.

Марья рассказывала, что барышня Гулюшка, какъ уличные мальчишки, „за чужой счетъ“ придумала кататься и жаловалась, что теперь ей отъ швейцара и дворниковъ прохода нѣтъ: всѣ смѣются, что у нихъ такая барышня завелась. А Гуля все о какомъ то послѣ болтала.

— Дожидаюсь и кончено. Сказала, что пришлетъ — и пришлетъ.—Такъ ничего больше у нея и не добились.

Лева даже къ швейцару бѣгалъ. Вернулся сердитый и объявилъ, „что-бы Гулька не смѣла одна носу на дворъ показывать“!

А только это ни къ чему было. Гуля и сама никуда не хотѣла изъ дома уходить:

— Вдругъ уйду, а онъ какъ разъ и явится.—

Одна тетя мало волновалась всей этой исторіей. Заработалась она, устала и теперь, пользуясь свободнымъ временемъ, цѣлыми днями лежала у себя на кушеткѣ. Въ эту зиму она набрала уроковъ больше, чѣмъ всегда. Хотѣлось ей, чтобы у дѣтей всего было вдоволь. И всю квартиру она имъ отдала. Для себя оставила только одну маленькую комнату возлѣ прихожей.

И Лева съ Маней все это понимали. Понимали и берегли тетю—изюминку, какъ умѣли. Старались не шумѣть, ходили на ципочкахъ, если имъ казалось, что она отдыхаетъ.

А только и самимъ дѣтямъ какъ то не хотѣлось шумѣть. Все вспоминалось, какъ старыя милыя комнаты при мамѣ прибирались къ празднику, вспоминалось, какъ ходили они по лѣсу и сами выбирали для себя елку... Многое вспоминалось. Не забывалось все это и раньше, но пока были уроки, раздумывать не было времени. Припомнится что нибудь—точно гвоздикомъ кольнетъ, возьмешься за книгу — гвоздикъ и выскочить. А теперь не такъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ все тоскливѣе дѣлалось. Даже и надъ Гулей больше не смѣялись Лева съ Маней. Совсѣмъ не до смѣха имъ было.

— Пускай себѣ кого хочетъ дожидается. Посла—такъ посла.—

Бобикъ и тотъ даже потише сталъ. Но иногда на него находило. Вдругъ залаетъ и начнетъ носиться въ круговую по квартирѣ, такъ двери и прошибаетъ.

Сочельникъ пришелъ.

Маня съ Левой купили для Гули маленькую елочку. Сами ее и принесли. Свѣчей купили. Лакомствъ навѣсили. Елка, хотя была и маленькая, ростомъ не выше самой Гули, но пахло отъ нея сильно и великолѣпно не только на всѣ три комнаты, но даже и въ корридорѣ, и въ кухнѣ.

Вмѣстѣ съ маленькой елкой вошло ожиданіе какой то большой радости.

Стало уже смеркаться. И вдругъ позвонили.

Стукнуло у Гули сердце. Вскочили Лева и Маня. Бобикъ насторожился, съ лаемъ полетѣлъ въ прихожую. Звонокъ всѣмъ показался какимъ то особеннымъ. Можетъ быть потому, что къ тетѣ рѣдко ходили чужіе, а можетъ быть и потому, что въ сочельникъ все кажется не такимъ, какъ въ простые дни. Позвонять, какъ всегда, а выходить какъ то по другому.

Бросились дѣти къ дверямъ столовой, пріоткрыли ихъ въ уже освѣщенную прихожую — смотреть.

— Посоль можетъ быть... можетъ быть... — шепчетъ Гуля и жарко дышетъ въ спину Левѣ.

Вошелъ въ переднюю господинъ. Господинъ, какъ господинъ: въ шляпѣ, въ шубѣ, въ желтыхъ перчаткахъ. Бобика испугался. Что-то Марья сказала, а та и рада. Такъ собаку за ошейникъ прихватила, что она даже переднія лапы на воздухъ подняла. Еще что-то господинъ сказалъ. Что сказалъ, не слышно. Бобикъ разлаялся. Снялъ господинъ шубу. Провела его Марья къ тетѣ. Тамъ уже лампа горѣла. Дверь за господиномъ притворилась. А дѣти стоятъ, ждуть, что будетъ. Прислушиваются.

Разговариваютъ... Господинъ говоритъ... Тетя смѣется. Опять говорятъ. Смѣются... И чего это тетя все смѣется? Рѣдко смѣется, а теперь...

— Вдругъ да за мной это... За мной вдругъ... — шепчетъ Гуля.

— Замолчи, Гуля! И такъ ничего не понять.

И вдругъ, двери настезь. Господинъ уже въ прихожей, а тетя Гулю зоветъ:

— Скорѣй, Гуля, скорѣй иди сюда!

Оробѣла Гуля и не двигается. Хорошо, что Лева съ Маней ее подтолкнули. Выкатилась Гуля, какъ на конькахъ. А господинъ такой важный, такой торжественный. Низко поклонился онъ маленькой дѣвчкѣ и спрашиваетъ:

— Вы, дѣвочка, Гуля?

У Гули даже косицы подпрыгнули, такъ она головой кивнула. Я, значить. Сказать не могла. Голосъ перехватило.

А господинъ и говорить:

Я посоль. Меня къ вамъ волшебница послала. Зоветъ

она васъ въ царство свое волшебное. Зоветъ и тетю вашу, и сестру, и брата. Черезъ два дня вечеромъ, она за вами всеми пришлетъ карету.

Опомнилась Гуля, а посла уже и нѣтъ. Только Марья на двери крюкъ накладываетъ.

Тетя въ столовую заторопилась. Лампу зажгла. Всѣхъ троихъ освѣтила.

Стоять Лева и Маня, такъ и стоятъ у дверей, не двигаются. Удивлены такъ, что даже растерялись. А Гуля торжествуетъ. Голову откинула.

— Видѣли, слышали?—спрашиваетъ.

Бросились Лева съ Маней къ тетѣ.

— Тетя милая, что же это? Да объясните же, тетя! Господинъ кто?

— Вѣдь видѣли, слышали: посоль,—говоритъ тетя, а сама смѣется.

— Нѣтъ, не такъ что-то. Что-то не такъ. И почему у тети лицо такое?.. Отстань, Гуля. Какой же это посоль? И на посла не похожъ. Господинъ просто..

— Посоль господиномъ одѣлся,—кричитъ Гуля,—чтобы его пропустили, переодѣлся.

— Посоль!? Переодѣлся!?

— Ну да, у посла и шляпа съ перомъ и все, все по другому. А здѣсь и дворники, и швейцары, городской на улицѣ. Развѣ пропустили бы?

Крикъ, шумъ, все раскричались, Бобикъ разлаялся. Понять ничего нельзя. Хорошо, что тетя вспомнила о какихъ-то покупкахъ и велѣла Левѣ и Манѣ съ нею идти. Гулю не взяла. Сказала, что въ лавкѣ передъ праздникомъ ее затолкать могутъ.

Назадъ Лева и Маня вернулись всеѣмъ другими, чѣмъ уходили. Успокоились, съ Гулей больше не спорили, даже

сами про посла заговаривали. А только Гуля не отвѣчала. Опять у нихъ былъ такой видъ, что они все лучше ея знаютъ.

VIII.

Прошло два дня. Вечеръ пришелъ. На Гулю надѣли бѣлое платье, то, которое еще мама ей сама сшила. Въ косички вплели новыя бѣлыя ленточки. Маня распустила волосы и завязала ихъ бѣлымъ бантомъ. Тетя надѣла шелковое платье. Вечеромъ въ тотъ же день, какъ посолье являлся, она это платье вынула изъ сундука, чтобы оно отвисѣлось. Лева вычистилъ бляху на поясѣ. Чуть-чуть потеръ зубнымъ порошкомъ, а она какъ новая стала.

И когда часы пробили половину восьмого, стало извѣстно, что карета ждетъ. Кто когда сказалъ про карету, кому сказалъ—никто этого точно не зналъ. Стоитъ карета у воротъ и кончено.

Бобика пришлось оставить. Не хотѣла Гуля его оставлять, а пришлось. Ничего не подѣлаешь: не пригласили.

Сѣли всѣ четверо въ карету. Подхватили лошади. Помчались. Только разлетѣлись и вдругъ стали.

— Приѣхали,—говоритъ тетя.

Приѣхали! Царство уже! А Гуля думала, что оно дальше. Выходить надо. Вотъ дворецъ. И дворецъ какъ будто не такой... Но разсматривать некогда. Со всѣхъ сторонъ къ дворцу и идутъ, и ѣдутъ. Торопятся всѣ. Приглашенныхъ пропасть.

Дверь входная тяжелая претяжелая. Едва открыли. А какъ прошли ее, за спиной такъ и бухнуло. Вотъ какія двери во дворцахъ бываютъ.

Снять шубы имъ помогъ старичекъ въ красномъ жилетѣ съ золотыми пуговицами. Нарядный такой старичекъ и важный, должно быть. Гуля его за министра волшебницы приняла. И другимъ приглашеннымъ такіе же министры помогали раздѣваться.

Раздѣлись и пошли, а впереди нихъ тоже министръ дорого показываетъ. Остановился у какихъ-то дверей, открывъ ихъ и съ низкимъ поклономъ сказалъ:

— Сюда пожалуйста!

Вошли.

Что же это?

Точно гирлянды изъ пестрыхъ яркихъ цвѣтовъ по стѣнамъ. Дѣти, дѣти, вездѣ дѣти. Есть и большіе, но они темнѣютъ позади. Ихъ почти и не видно, видны только одни дѣти, дѣти въ голубомъ, въ розовомъ, въ бѣломъ, въ красномъ. Точно цвѣты. И сколько ихъ! Зала огромная, высокая, а они пестрыми рядами вдоль стѣнъ.

И свѣтло какъ! Огней-то, огней! И повсюду точно ледяныя сосульки развѣсили и огнемъ ихъ освѣтили. Даже слѣпить.

А тетя дѣтей на стулья разсадила и сама тоже сѣла только позади.

— Все полно. Ни одной ложи пустой. Ни одного мѣста въ партерѣ,—говорить она.

Маня и Лева ее о чемъ-то спрашиваютъ, она имъ что то отвѣчаетъ, что то сама ихъ спрашиваетъ. Гуля ихъ даже не слушаетъ. Не слушаетъ какихъ-то новыхъ непонятныхъ словъ. Не нужны они ей. Она и безъ словъ все знаетъ: и куда пріѣхала знаетъ и, что всѣ, какъ и она, волшебницу ждуть, тоже знаетъ. Самое важное знаетъ, а о пустякахъ говорить не хочется.

Въ глазахъ пестритъ, все кругомъ блеститъ и сіяетъ. А это что же еще? Это что? Музыка. Никогда, никогда такой музыки еще Гуля не слышала. Чудесная музыка. А гдѣ и кто играетъ не понять. Кажется впереди, какъ разъ тамъ, гдѣ виситъ огромная картина. Дрогнула картина, стала подниматься. А музыка все играетъ.

Вотъ оно царство волшебное!

Стоять деревья всѣ въ снѣжныхъ кораллахъ, на землѣ снѣгъ такой искристый, такой блестящій, какого Гуля еще никогда не видала.

А музыка такъ и играетъ. И вдругъ запѣли. Въ царствѣ запѣли. Не говорятъ тамъ, какъ вездѣ, а поютъ. Царство — потому и поютъ. Царство чудесъ полно, много ихъ, глаза разбѣгаются.

И все въ этомъ царствѣ настоящее. И посолье настоящій. Шляпа съ бѣлымъ перомъ, самъ въ голубомъ шелку, на ногахъ голубые чулки, башмаки съ пряжками.

А волшебница! Какъ сверкаетъ ея бѣлая мантия! Ниже пояса золотые волосы. На головѣ корона. Какъ хорошо! И свои, и чужіе всѣ видятъ теперь, что она волшебница.

И она поетъ, какъ и всѣ. Въ царствѣ ея всѣ поютъ, поетъ и она. Лучше всѣхъ поетъ.

Когда она кончила пѣть, картину опустили, и всѣ захопала. Опять вышла волшебница, стала всѣмъ кланяться. И показалось Гулѣ, что она улыбалась и кивала головой туда, гдѣ они сидѣли. И не только Гулѣ это показалось, но и Маня, и Лева, оба увѣряли тетю, что пѣвица кланялась и улыбалась именно имъ. А тетя не спорила и даже сказала:

— Ну что же, это очень можетъ быть.

IX.

Была уже ночь, когда тетя съ дѣтьми вернулась домой. Гуля едва дала снять шубку — бросилась къ окну. А тетя удержала ее и говорить:

— Слушай, Гуля, тамъ, въ той квартирѣ, больше никого нѣтъ. Твоя волшебница сегодня прямо изъ театра ѣдетъ за границу. Это мнѣ еще въ сочельникъ рассказалъ посоль. Поняла?

Но Гуля только дернула плечомъ и очутилась у окна.

У волшебницы было темно.

И сколько разъ ни подходила Гуля къ окну, рядъ окошекъ во второмъ этажѣ оставался попрежнему темнымъ. А въ столовой у тети было свѣтло и весело, какъ еще никогда не бывало. Зажгли Гулину елочку. Сѣли чай пить. Пили и говорили взапуски о томъ, что только что видѣли и слышали, а потомъ, какъ то совѣмъ незамѣтно, перешли на то, что было давно и о чемъ они никогда всѣ вмѣстѣ громко не говорили. Для всего, что было имъ мило, вдругъ нашлись настоящія слова. Точно весеннимъ вихремъ смело напавшія съ осени тяжелые полуистлѣвшіе притоптанные листья. Смело, а подъ нимъ трава. Такая зеленая, такая радостная.

И тетя, какъ будто, другой стала. Вдругъ сдѣлалась чѣмъ то похожей на маму. И легко съ ней, такъ легко, какъ никогда не бывало.

Оказалось, что и тетя, какъ дѣти, мечтала опять пожить лѣтомъ въ старомъ домѣ. И ей, какъ и имъ, хочется повидать и лѣсъ, и садъ, и поля. Полюбила она и домъ ихъ старый. Вотъ только овражка съ малинникомъ не знаетъ. Первый разъ о немъ слышитъ.

— Покажу, все, тетя, покажу,—кричитъ Гуля, отрывая губы отъ блюдечка.

А волшебница?

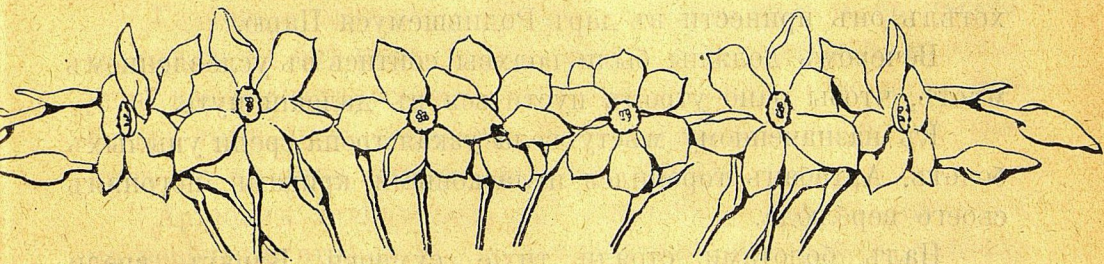
Опять заглянула въ окно Гуля и опять темнота. У волшебницы темно, а у нихъ свѣтло. И елка такъ хорошо догораетъ. Свѣчи такія маленькія стали. А можетъ быть и не такія маленькія, можетъ быть кажутся маленькими, потому что у Гули глаза стали, какъ щелки.

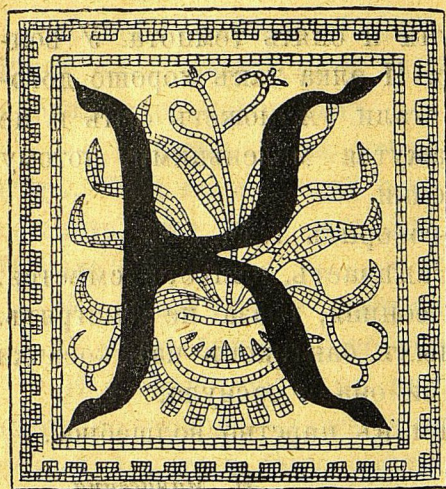
— Тебѣ спать пора, Гуля,—говоритъ тетя.

И сама укладываетъ Гулю. Радѣваетъ, цѣлуетъ, смѣется. Такая она смѣшная эта Гуля: сонная, глаза не смотрять, сама чуть не валится. Даже бѣлыхъ бантиковъ изъ косички ей не успѣли снять, такъ съ ними она и заснула.

И умчали ее быстроногіе кони въ царство волшебное.

Н. Манаскина.

За Христомъ.

Легенда.

ОГДА появилась новая звѣзда на Востокѣ и возвѣстила міру о роженіи Мессіи, Вавилонскій мудрецъ Артабанъ рѣшился идти въ Виелеемъ вмѣстѣ съ другими волхвами, чтобы поклониться Христу. Онъ продалъ все, что имѣлъ и на вырученныя деньги купилъ три драгоценности: сапфиръ, синій, какъ морская волна, рубинъ, красный, какъ алая кровь и жемчужину—прекрасную и печальную, какъ застывшая слеза. Эти три драгоценности хотѣлъ онъ принести въ даръ Родившемуся Царю.

Вечеромъ должны были волхвы сойтись въ условленномъ мѣстѣ, чтобы рано утромъ пуститься въ далекій путь.

Къ назначенному мѣсту вела узкая тропа среди унылыхъ болотъ. Артабанъ торопился и ласковыми криками погонялъ своего верблюда.

Надъ болотами стояли тихіе сумерки. Вдругъ, среди тишины, задрожалъ слабый стонъ.

Артабанъ подумалъ, что заплакала ночная птица, но, проѣхавъ немного дальше, увидалъ на тропинкѣ лежащаго чело-вѣка. Быстро сошелъ Артабанъ съ верблюда и наклонился надъ лежавшимъ. Судя по одеждѣ и по лицу, это былъ чуже-

странецъ. Глаза его были закрыты, и онъ продолжалъ жалобно стонать. Вѣроятно его свалилъ на землю припадокъ страшной болотной лихорадки. Артабанъ досталъ изъ дорожного мѣшка крѣпкого, душистаго вина и влилъ нѣсколько капель въ ротъ неизвѣстному человѣку, съ трудомъ разжавъ плотно стиснутыя, побѣлѣвшія губы. Потомъ онъ накрылъ больного теплымъ плащомъ и сталъ ждать, когда онъ очнется, чтобы посадить его на верблюда и довести до ближайшаго селенія.

А время шло. Стемнѣло. Замигали звѣзды, и задрожали ихъ отраженія въ стоячихъ болотныхъ водахъ.

Когда Артабанъ вышелъ изъ дома, гдѣ ему удалось устроить больного чужестранца, предразсвѣтнымъ холодомъ дохнуло ему въ лицо, и алая полоса протянулась на Востокъ въ зеленѣвшемъ небѣ.

Быстро зашагалъ озябшій верблюдъ своими длинными шишковатыми ногами, но когда онъ донесъ Артабана до назначеннаго мѣста, солнце стояло высоко и волхвовъ не было: они уѣхали въ Виѳеемъ, не дождавшись своего товарища.

Глубоко огорчился Артабанъ. Стоялъ онъ и съ тоскою смотрѣлъ на блѣдные узоры пепла. Они покрыли мертвые угли костра, оставленнаго волхвами и давно погасшаго. Верблюдъ тоже былъ печаленъ. Низко опустилъ голову и глядѣлъ на хозяина потускнѣвшими глазами.

Артабанъ хотѣлъ дать ему сочныхъ зеленыхъ листьевъ, но верблюдъ отвернулся и презрительно выставилъ впередъ нижнюю губу. Дыханіе съ шумомъ вылетало изъ его сухого, горячаго носа.

Артабанъ понялъ, что верблюдъ боленъ, и на немъ нельзя было ѣхать дальше.

Приходилось возвращаться въ Вавилонъ. Тамъ онъ про-

далъ свой сапфиръ, купилъ другого верблюда и свѣжихъ припасовъ и пустился въ дальній одинокій путь.

Проѣзжалъ онъ людными шумными городами, гдѣ люди шумѣли, бѣгали, суетились и сновали, какъ муравьи въ потревоженномъ муравейникѣ.

Проѣзжалъ тихими селеньями, гдѣ шла незамѣтная вѣковѣчная работа и звучали унылыя пѣсни. И въ шумѣ городовъ, и въ тишинѣ селеній ему слышалась иная нѣжная пѣсня. Та пѣсня, что пѣла юная мать, склоняясь надъ свѣтлымъ Младенцемъ. Проѣзжалъ горами и лѣсами, прислушиваясь къ голосамъ птицъ и потоковъ, отъ вѣка рожденнымъ и вѣчно юнымъ. И птицы и потоки повторяли ему одно:—Спѣши. Онъ ждетъ тебя въ Виѳлеемѣ.

Проѣзжалъ онъ горячими песками пустыни, гдѣ жгучій воздухъ тяжело ложился на грудь, какъ расплавленный свинецъ, гдѣ все было неподвижно, и вся земля однообразно холмилась, точно волны застывшаго древняго моря. И тамъ, гдѣ тяжкій воздухъ смыкался съ жаркой землею, вставали вдругъ бѣлыя стѣны, и Артабанъ видѣлъ въ полу-открытую дверь женщину въ бѣлой одеждѣ съ младенцемъ на колѣняхъ. Это былъ миражъ пустыни, возникавшій и таявшій въ дрожи раскаленнаго воздуха, но образъ Матери и Младенца жилъ въ душѣ мудреца и манилъ, и звалъ его въ Виѳлеемѣ.

И вотъ, наконецъ, показался вдали желанный городъ. Бѣлые домики съ плоскими крышами розовѣли отъ свѣта вечерней зари. Артабанъ слѣзъ съ верблюда, упалъ на землю и поцѣловалъ ее. Пѣшкомъ вошелъ онъ въ городскія ворота и направился по узкой улицѣ, чтобы отыскать домъ, гдѣ жили Мать и Младенецъ.

Былъ вечерній часъ, когда городская жизнь обыкновенно затихаетъ, улицы и площади пустѣютъ, но въ Виѳлеемѣ сто-

яль шумъ на улицахъ, слышались крики, женскіе вопли, визгъ и плачъ дѣтей. Мимо Артабана пробѣгали женщины съ отчаянными лицами, прижимая къ груди плачущихъ, испуганныхъ дѣтей. За ними гнались воины съ обнаженными мечами и нахмуренными злобными лицами.

Артабанъ только что хотѣлъ спросить у одного прохожаго, что все это значило, какъ вдругъ молодая женщина, съ обезумѣвшимъ отъ горя и ужаса лицомъ, бросилась передъ нимъ на колѣни и стала лепетать, задыхаясь:

— Отецъ мой, спаси, спаси моего ребенка... Они хотятъ убить его! — И она старалась спрятать въ складки своей одежды крошечнаго смуглаго мальчика. Его большіе черные глаза, расширенные страхомъ, казались непомѣрно огромными на блѣдномъ личикѣ. Онъ не плакалъ, но весь дрожалъ, вцѣпившись маленькими пальцами въ складки материнской одежды.

А женщина все повторяла:

— Спаси... убьютъ, убьютъ!

— Кто убьетъ? — спросилъ Артабанъ.

— Воины царя Ирода. Имъ велѣно избивать всѣхъ младенцевъ въ Вифлеемѣ.

Ужаснулся Артабанъ, но не испугался за Того, Кому пришелъ поклониться. Онъ зналъ, что Царь царей не могъ погибнуть отъ руки воиновъ Ирода.

А женщина все умоляла и плакала у его ногъ, и вдругъ, изъ-за стѣны сосѣдняго дома показался центуріонъ. Багрянецъ зари отразился въ его блестящемъ шлемѣ и латахъ, точно онъ весь былъ облитъ кровью. Женщина вскрикнула и упала на землю, прикрывъ собою ребенка, но воинъ уже замѣтилъ мальчика и направился къ нему, обнажая мечъ.

— Остановись, — сказалъ Артабанъ и выступилъ впе-

редь,—я предлагаю тебѣ выкупъ.—Онъ вынулъ изъ пояса рубинъ и протянулъ его центуріону.

Какъ капля алой крови, сверкнулъ драгоценный камень въ протянутой рукѣ. Его рдяный блескъ ослѣпилъ центуріона.

— Спрячьте скорѣе ребенка,—пробормоталъ онъ, хватая рубинъ,—скорѣе спрячьте, чтобы его не увидали мои воины.

И онъ побѣждалъ дальше по улицѣ, размахивая мечомъ.

Отъ трехъ драгоценностей у Артабана осталась одна жемчужина. Ее-то и хотѣлъ онъ принести въ даръ Царю и отправился для этого въ Египетъ, куда, какъ ему сказалъ одинъ житель Виелеема, сосѣдь плотника Іосифа, бѣжали родители Младенца, спасая Его отъ воиновъ Ирода.

Изъ древнихъ еврейскихъ писаній Артабанъ зналъ, что Мессіи, для невѣдомыхъ божественныхъ цѣлей, предстояло много страдать на землѣ, узнать нужду, гоненія и попасть въ плѣнъ къ злымъ людямъ. Поэтому, пріѣхавъ въ Египетъ, Артабанъ сталъ ходить по тюрьмамъ, навѣщать бѣдныхъ и больныхъ. Множеству людей удалось ему помочь, но среди нихъ не нашлось ни единого, передъ кѣмъ мудрецъ могъ бы преклониться. Отыскивая повсюду Того, къ Кому рвалась душа его, бродилъ Артабанъ изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе, и повсюду ему вслѣдъ неслись благословенія людей, спасенныхъ или утѣшенныхъ имъ.

Быстро проскальзывали дни, мелькали весна, лѣто, осень и зима, какъ перелетныя пестроперыя птицы; незамѣтно прошло тридцать три года.

Старый и усталый, слабый и больной пришелъ наконецъ Артабанъ въ Іерусалимъ. Былъ праздникъ Пасхи, и по улицамъ двигались толпы народа.

Самая большая толпа тѣснилась и глухо шумѣла, направляясь къ сѣвернымъ городскимъ воротамъ.

Артабанъ спросилъ, куда это идутъ, и ему отвѣчали, что ведутъ на распятіе Человѣка, называвшаго Себя Царемъ Іудейскимъ.

Артабанъ вздрогнулъ. Не его-ли это Царь?

Онъ не понималъ, какъ все это могло случиться, но зналъ и вѣрилъ, что божественное предопредѣленіе непостижимо для человѣческаго разума.

— Быть можетъ, на мою долю выпадетъ высшее счастье выкупить Царя моего, — подумалъ онъ, вспомнивъ о жемчужинѣ, оставшейся у него и самой многоцѣнной изъ трехъ сокровищъ.

И, съ трудомъ передвигая свои старыя, больныя ноги, направился онъ къ сѣвернымъ воротамъ, вслѣдъ за толпою.

— Если бы увидать Его, взглянуть только! — думалъ мудрецъ, и сердце его замирало отъ жажды и тоски, но толпа отдѣляла его отъ Осужденнаго шумнымъ пестрымъ потокомъ.

Когда онъ поровнялся со входомъ Иродовой тюрьмы, ему на встрѣчу попался отрядъ воиновъ. Они тащили за собою молодую дѣвушку въ разорванной одеждѣ, съ распущенными волосами. Она цѣплялась за выступы стѣны и горько рыдала. Воины старались схватить ее и осыпали ударами стройное, дрожащее тѣло. Дѣвушка билась въ ихъ рукахъ, какъ пойманная испуганная птица, и волнистые волосы взвивались у нея за плечами, какъ два черныхъ крыла.

Вдругъ ея взглядъ встрѣтился съ сочувственнымъ взглядомъ кроткихъ старческихъ глазъ Артабана. Она ухватилась за край его длинной, бѣлой одежды и закричала:

— Сжался надо мною, отецъ мой! Освободи меня, если можешь. Я твоя соотечественница: по одеждѣ вижу, что ты изъ Ирана. Мой отецъ былъ персидскій купецъ, разорился и умеръ, и теперь меня, за его долги, хотятъ продать въ раб-

ство. Спаси, спаси меня! Лучше смерть, чѣмъ позоръ и плѣнь.

Со вздохомъ вынулъ Артабанъ изъ пояса завѣтную жемчужину и протянулъ ее дѣвушкѣ.

— Вотъ твой выкупъ, дочь моя,—тихо сказалъ онъ.

— Даю тебѣ мое послѣднее сокровище во имя Царя моего, за которымъ иду.—

И онъ пошелъ за удалявшейся толпой, а дѣвушка бросила жемчужину обрадованнымъ воинамъ и послѣдовала за старымъ мудрецомъ. Онъ оперся дрожащей рукою на ея плечо и ему стало легче идти, но все таки они двигались медленно и еще не достигли воротъ, когда толпа, слѣдовавшая за Осужденнымъ, была уже за городомъ. У воротъ Артабанъ долженъ былъ присѣсть на камень, чтобы немного отдохнуть, а дѣвушка побѣжала за водой и, напоивъ его, осторожно смочила ему больную пылавшую голову.

— Идемъ, идемъ скорѣе, мы опоздаемъ!—шепталъ Артабанъ, и они снова пустились въ путь, ступая по раскаленнымъ каменнымъ плитамъ. Поровнялись съ городскою стѣною. Ярко сверкали на солнцѣ желтоватые камни и вдругъ погасли, точно упала тѣнь отъ внезапно налетѣвшей грозовой тучи. Жуткій сумракъ прикрылъ всю землю темными крыльями. Раздался страшный ударъ грома, и земля вздрогнула и заколебалась. Зашатались стѣны домовъ, черный, душный вихрь взвилъ и закрутилъ столбы дорожной пыли, и свистъ и гулъ смѣшался съ испуганными криками людей, звенящимъ ржаньемъ лошадей и унылымъ воемъ собакъ. Колебаніе земли все усиливалось. Люди и животные метались, ища спасенія и попадая подъ осыпающіеся камни и обломки домовъ. Большой камень сорвался со стѣны и ударилъ Артабана въ голову. Старикъ упалъ, какъ подкошенный высокій, бѣлый цвѣтокъ.

Молодая дѣвушка вскрикнула и бросилась къ нему. Онъ лежалъ неподвижно, лицо было блѣдно и спокойно, глаза закрыты. Но вотъ, дрогнули восковыя вѣки, раскрылись глаза и стали глядѣть вверхъ, на потемнѣвшее небо. Въ тяжеломъ душномъ воздухѣ раздались нѣжная, тихая музыка, точно пѣлъ несслыханный голосъ и вздыхали вслѣдъ за нимъ струны невидимой арфы. Дѣвушка подняла голову, оглянулась. Никого не было. Всѣ разбѣжались и попрятались. А небывалые звуки продолжали звенѣть все нѣжнѣе, все блаженнѣе.

Вдругъ безкровныя губы Артабана зашевелились, и онъ заговорилъ на древнемъ персидскомъ нарѣчьи, какъ бы отвѣчая небесному голосу:

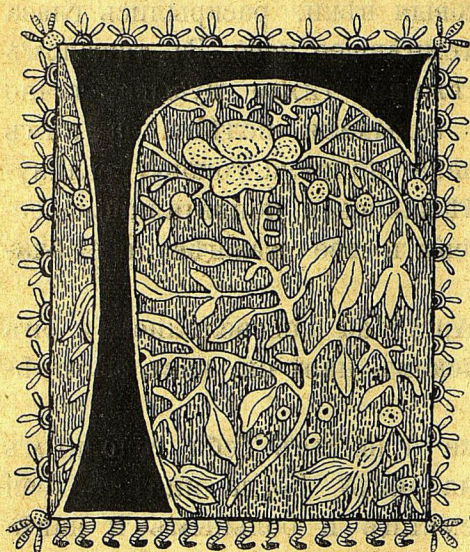
— Нѣтъ, Господи. Когда же я видѣлъ Тебя голоднымъ и накормилъ, жаждущимъ и напоилъ? Когда видѣлъ тебя странникомъ и приютилъ, въ темницѣ и больнымъ и навѣстилъ, озябшимъ и усталымъ и успокоилъ и согрѣлъ? Тридцать три года искалъ я Тебя, но ни разу не видалъ лица Твоего, Господь мой и Богъ мой!

Онъ замолчалъ, а въ тишинѣ снова зазвучалъ небывалый голосъ. Молодая дѣвушка не могла разобрать словъ, но по блаженно просвѣтлѣвшему лицу умирающаго мудреца увидала, что онъ понялъ.

Небесный голосъ говорилъ ему:

— То, что ты сдѣлалъ послѣднему изъ Моихъ меньшихъ братьевъ, ты Мнѣ сдѣлалъ. Благо тебѣ, добрый и вѣрный рабъ! Войди въ радость Господа твоего.

П. Соловьева.

Дѣти въ Англіи.

ОВОРЯТЪ, что дѣти разныхъ странъ совсѣмъ непохожи другъ на друга, потому что каждая страна кладетъ свой отпечатокъ на ребенка. И это справедливо. Русскія, англійскія, французскія, шведскія, итальянскія и нѣмецкія дѣти по виду совсѣмъ разные. Но это только по виду. Несходство ихъ чисто внѣшнее и зависитъ только отъ разницы

въ воспитаніи. Англійскій ребенокъ и русскій, при встрѣчѣ, предоставленные самимъ себѣ, отлично поймутъ другъ друга и будутъ вмѣстѣ играть. Воспитаніе же у нихъ совсѣмъ различное. Даже день англійскихъ дѣтей во многомъ отличается отъ дня русскаго ребенка.

Въ Англіи дѣти встаютъ рано, между 7 и 8 часами. Спятъ большей частью одни, безъ старшихъ, по двое или по трое въ комнатѣ и всегда съ открытымъ окномъ. Сейчасъ же, послѣ того, какъ ихъ разбудятъ, они принимаютъ холодную ванну. Зимой такая ванна не всегда бываетъ пріятна, и часто дѣти, пользуясь отсутствіемъ надзора со стороны матери или гувернантки, только дѣлаютъ видъ, что выкупались.

Дѣтскія обыкновенно помѣщаются въ верхнемъ этажѣ дома. Въ 8 или 8½ часовъ дѣти спускаются въ столовую къ зав-

траку. Иногда вся семья завтракаетъ вмѣстѣ, иногда же дѣти завтракаютъ съ гувернанткой, и тогда часто завтракъ подается въ дѣтскую.

На завтракъ, прежде всего, полагается овсяная каша. Обычай давать дѣтямъ овсяную кашу взятъ изъ Шотландіи. Говорятъ, что отъ этой каши особенно хорошо растутъ волосы. Послѣ каши подаютъ яичницу на жареномъ салтѣ, а потомъ апельсиновое варенье. Послѣ завтрака пьютъ молоко и, очень рѣдко, совѣмъ жидкій чай, тоже съ молокомъ. Тарелки дѣти мѣняютъ сами и, если завтракаютъ со старшими, то дѣти мѣняютъ приборы и старшимъ. Послѣ завтрака почти во всѣхъ семьяхъ бываетъ общая семейная молитва. Читаетъ молитву мать или ктонибудь изъ старшихъ. Присутствуютъ на молитвѣ всѣ домашніе, и прислуга, и гости, если они есть.

Въ Англии очень много вниманія обращаютъ на прогулки дѣтей. Утромъ они гуляютъ часъ или два почти во всякую погоду. Во время прогулокъ они играютъ въ мячъ, катаютъ обручъ.

Между часомъ и двумя подаютъ обѣдъ. Обѣдаютъ дѣти чаще всего отдѣльно отъ старшихъ. Обѣдъ подается питательный, но легкій, всего изъ двухъ кушаній, изъ которыхъ одно непременно—молочный пудингъ.

Дѣтей до 6—7 лѣтъ, послѣ обѣда, обыкновенно укладываютъ спать на часъ, и случается, что они бунтуютъ и не хотятъ ложиться. Часто бываетъ, что, какъ только бонна или гувернантка уйдутъ изъ дѣтской, тамъ поднимается возня, игры и бѣготня. Но въ Англии съ дѣтьми обращаются строго и строго наказываютъ провинившихся.

Послѣ спанья дѣти или гуляютъ, или занимаются чѣмънибудь въ комнатахъ или просто играютъ.

Въ пять часовъ пьютъ чай съ бутербродами, яйцами, биск-

витами и вареньемъ. Ложатся спать въ Англіи дѣти рано, около 6 или 7 часовъ. Англійскимъ дѣтямъ, какъ и всѣмъ другимъ, всегда не хочется спать въ тотъ моментъ, когда имъ говорятъ, что пора ложиться, но въ Англіи взрослые не идутъ на уступки. Скажутъ, что пора спать, и кончено. Надо слушаться. И сказокъ никакихъ на ночь не рассказываютъ. Этого въ Англіи не водится.

Когда дѣти немного постарше, ихъ кладутъ спать позднѣе и позволяютъ около 8 часовъ вечера спускаться въ столовую къ десерту обѣда старшихъ. Въ это время дѣти, хотя не надолго, видятъ своихъ родителей. Въ англійскихъ семьяхъ, когда въ домѣ есть гувернантка, дѣти весь день проводятъ съ нею и родителей почти не видятъ.

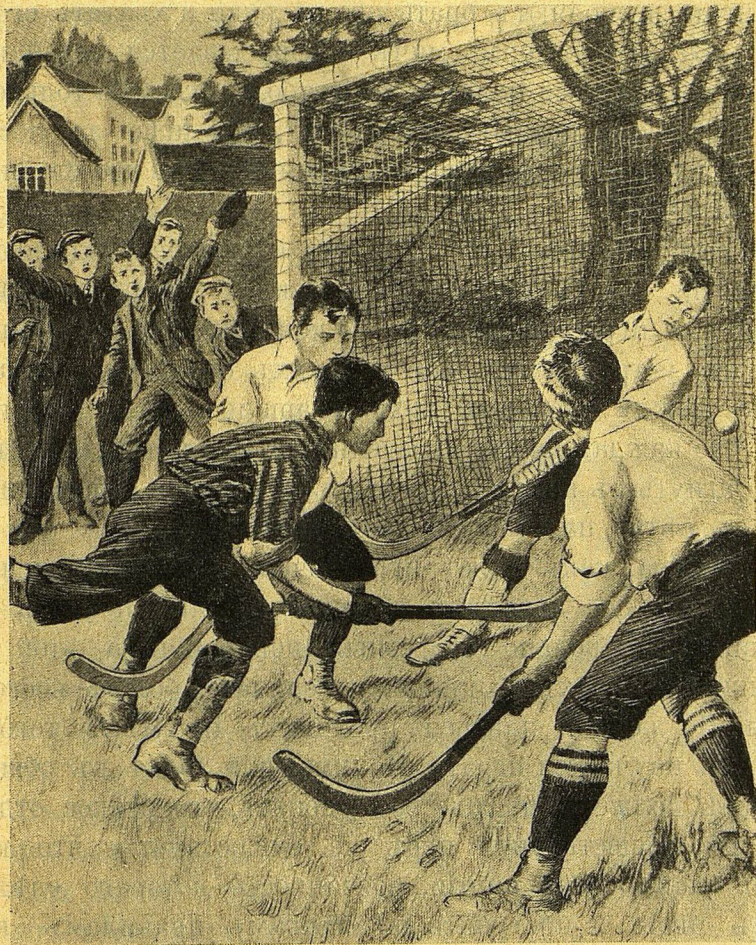
Въ Англіи дѣтей посылаютъ въ школу съ очень ранняго возраста, особенно въ семьяхъ, гдѣ дѣтей мало, не больше одного или двухъ. Въмѣсто того, чтобы учить дома, такихъ дѣтей уже съ четырехъ или пяти лѣтъ отдаютъ въ школу, гдѣ они проводятъ время до 12 часовъ. Въ школѣ дѣти играютъ, рисуютъ, вышиваютъ по картону, лѣпятъ изъ глины, учатъ азбуку и т. д.

Если же въ семьѣ дѣтей много, то ихъ, пока они малы, учить дома мать или, чаще всего, гувернантка или учительница.

Въ 12 или 14 лѣтъ мальчиковъ почти всегда отдаютъ въ какую нибудь большую школу на полный пансіонъ. Отдаютъ въ пансіоны и дѣвочекъ, но это уже значительно рѣже.

Вмѣстѣ съ поступленіемъ въ школу, въ жизни дѣтей важное мѣсто начинаютъ занимать общественныя игры. Въ англійской школѣ игры занимаютъ такое же мѣсто, какъ и ученье. Героемъ въ мужской школѣ бываетъ обыкновенно тотъ, кто отличается въ спортѣ. Лучшими подарками для дѣтей-школь-

никовъ считаются въ Англи всевозможныя принадлежности для игръ.

Игра въ хоки.

Любимая зимняя игра школьниковъ—это игра въ мячъ „футболъ“. Игра эта ведется на воздухъ, и такъ какъ въ Анг-

ли снѣга почти не бываетъ, то играютъ въ нее по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю. Футболъ бываетъ двухъ сортовъ: „розби“ и „асосіешонъ“. Въ „розби“ мячъ немного больше, и правила игры дозволяютъ брать его въ руки и хватать его другъ у друга. Въ „асосіешонъ“ мячъ подбрасывается ногой, и рукой до него дотронуться нельзя. Въ футболъ играютъ только мальчики. Дѣвочки играютъ въ „хоки“. Эта игра за послѣднее время сдѣлалась очень распространенной и въ нее стали играть даже мальчики.

„Хоки“ состоитъ къ тотъ, что играющіе раздѣляются на двѣ партіи, по 11 человекъ въ каждой. На площадкѣ, отведенной для игры, проводятся по концамъ двѣ границы, а по срединѣ устраивается, на высокихъ столбахъ, сѣтка. Расстояніе между столбами около 7 аршинъ. Игра состоитъ въ томъ, что каждая партія играющихъ старается палкой съ широкимъ загнутымъ крючкомъ загнать небольшой деревянный мячикъ въ сѣтку на сторонѣ противниковъ.

Эта игра, какъ и всѣ игры, очень шумная, и очень часто играющіе въ нее доходятъ до грубости. Мнѣ не разъ случилось видѣть довольно серьезныя пораненія за этой игрой. Новички въ играхъ обыкновенно горячатся больше всего, даже злятся. Но желаніе злиться проходитъ по мѣрѣ того, какъ новичекъ научается играть. Понимающій толкъ въ общественной игрѣ, долженъ прежде всего понять, что всякое отдѣльное лицо въ общественной игрѣ не существуетъ, что каждый только членъ своей партіи, обязанность котораго слѣдить за ходомъ игры и поступать по строгимъ правиламъ, ничѣмъ не выражая своихъ личныхъ чувствъ. Англичане считаютъ, что у нихъ у всѣхъ вырабатывается извѣстная сдержанность характера главнымъ образомъ по тому, что они школьниками занимаются серьезно поставленными общественными играми.

Отчасти это и вѣрно, но я сама слыхала, видѣла и удивлялась, наблюдая, какъ невозможно бранятся и злятся, когда играютъ двѣ разныхъ школы, два клуба или представители двухъ какихъ нибудь учреждений. Каждый хочетъ поддержать честь своей партіи и въ увлеченіи не знаетъ мѣры.

Весной, когда уже не такъ мокро и холодно, перестаютъ играть въ „футболъ“ и „хоки“, а начинаютъ играть въ крокетъ и въ теннисъ. Крокетъ, особенно раньше, считался почти исключительно игрою для мальчиковъ.

Считалось „неприличнымъ“, чтобы въ немъ принимали участіе дѣвочки. Но за послѣднее время взглядъ измѣнился. Дѣвочки и молодыя дѣвушки стали свободнѣе и играютъ въ тѣ игры, въ которыя хотятъ играть.

Каникулы у школьниковъ въ Англіи небольшіе. Ихъ отпускаютъ на Рождество недѣли на три или на четыре, на столько же времени и на Пасху, но за то лѣтній отдыхъ не продолжается больше 6—8 недѣль. Рождество дѣти проводятъ въ городѣ, на Пасху, кто только можетъ, уѣзжаетъ въ деревню, а лѣтомъ большая часть переселяется къ морю.

Лѣтомъ англійскимъ дѣтямъ дается полная свобода. Всюду они ходятъ одни, сами устраиваютъ экскурсіи и пикники. Но при полной свободѣ, у нихъ все-таки существуютъ часы для занятій: игры на фортепьяно или на скрипкѣ.

Въ англійскихъ школахъ, какъ и въ русскихъ, школьникамъ задаютъ на лѣто разные работы: написать сочиненіе, прочесть книгу и дать о ней письменный отчетъ. Такія работы задаютъ весной школьникамъ всѣхъ странъ, и повсюду школьники съ этими работами запаздываютъ. Не дѣлаютъ ихъ постепенно, во время и основательно, а хватаются за нихъ въ послѣднюю минуту и исполняютъ кое-какъ. Только чтобы сдать.

Англійскія дѣти, какъ и всякія другія, пока они въ школѣ, дѣляютъ свою жизнь на два періода: одинъ школьный, другой — каникулы. Какъ и всѣ другія дѣти, они шалятъ и въ концѣ концовъ перестаютъ шалить, потому что перестаютъ быть дѣтьми. Отъ русскихъ дѣтей они отличаются главнымъ образомъ тѣмъ, что позднѣе развиваются. До 16 лѣтъ читаютъ дѣтскіе журналы, интересуются только своими занятіями и своими любимыми играми. Въ Англій у всѣхъ дѣтей есть свои любимыя занятія. Они увлекаются собираніемъ марокъ, составляютъ коллекціи монетъ, яицъ, много фотографируютъ.

Но, развиваясь умственно медленнѣе русскихъ дѣтей, они воспитаніемъ и школой подготовлены лучше, чѣмъ у насъ, къ жизни: они здоровы.

Праздниковъ у дѣтей въ Англій меньше, чѣмъ у нашихъ дѣтей; веселятъ ихъ тоже мало. Единственное время, когда англійскія дѣти забавляются—это Рождество.

Елки дѣлаютъ рѣдко, но вечеринки бываютъ почти въ каждомъ домѣ. Для дѣтей до 10 лѣтъ устраиваютъ праздники отъ 3 — 4 часовъ до 7—8. Для дѣтей постарше, — въ Англій дѣтьми считаются до 16 лѣтъ, — празднество продолжается позднѣе, но никогда не позже 10 часовъ.

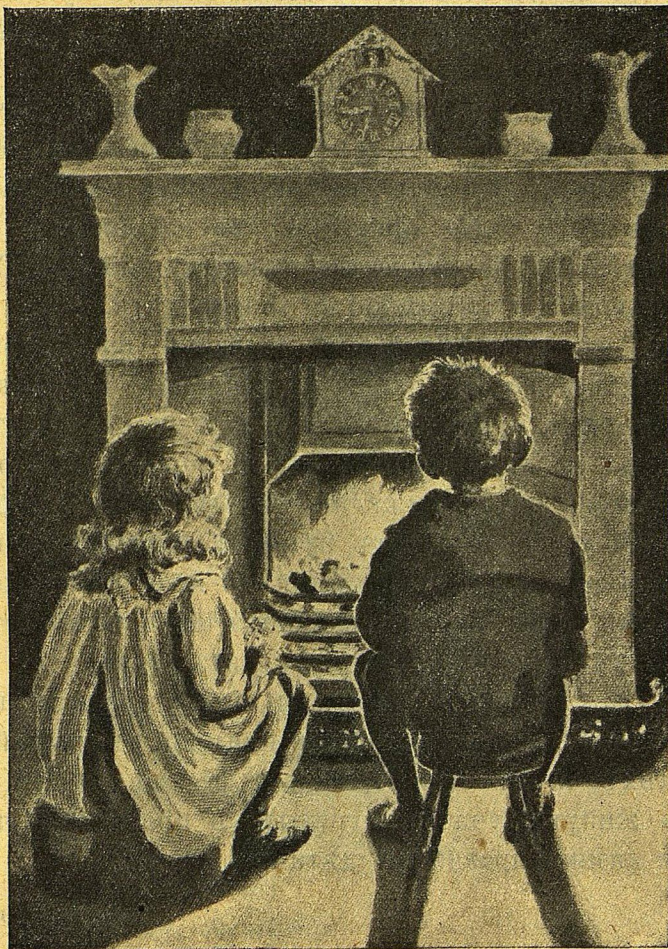
На вечеринкахъ играютъ въ разныя игры, а иногда и танцуютъ.

Подъ самое Рождество, которое почти всегда проводятъ въ семьѣ или съ очень близкими, дѣти подвѣшиваютъ къ ногамъ кровати чулокъ, а въ трубу кладутъ письмо.

Въ этомъ письмѣ они просятъ у стараго старика съ бѣлой бородой—друга дѣтей, чтобы онъ принесъ подарки, игрушки, сласти.

Говорятъ, что старичокъ этотъ спускается по трубѣ въ комнату. Увидѣть его невозможно, потому что приходитъ онъ,

когда всё заснуť. Я помню, какъ караулила я этого старичка, но подкараулить его мнѣ такъ и не удалось. Потомъ, когда

Рождественскій вечерь.

я уже не особенно вѣрила въ старичка, но все-таки вѣшала чулокъ и находила въ немъ подарки, я проснулась какъ то

подъ Рождество и увидала у чулка кого то съ бородой... Это былъ мой отецъ, а рядомъ съ нимъ стояла и мать. Но не думайте, что послѣ этого я перестала вѣшать чулокъ. Ничуть не бывало. Чулокъ я подвѣшивала и подарки въ немъ находила.

Есть еще одинъ старинный рождественскій обычай, котораго придерживаются дѣти всѣхъ странъ: обычай объѣдаться.

Въ Англии это бываетъ замѣтнѣе, чѣмъ въ Россіи, потому что русскія дѣти болѣе привычны къ сладостямъ. Особенно объѣдаются въ Англии рождественскимъ пудингомъ. Случается, что покушаютъ его чрезмѣрно не только дѣти, но и взрослые.

Обѣдъ въ день Рождества бываетъ очень торжественный. На немъ всегда подается жареная индюшка и пудингъ изъ муки и всевозможныхъ сушеныхъ фруктовъ. Пудингъ этотъ съ виду темный, почти черный. Его обливаютъ ромомъ, потомъ ромъ поджигаютъ и въ такомъ видѣ несутъ къ столу. Обыкновенно этотъ пудингъ украшаютъ воткнутой въ него вѣткой колючаго растенія съ красными ягодками.

Любимая игра рождественскихъ вечеровъ состоитъ въ томъ, что въ темную комнату вносятъ блюдо съ изюмомъ, облитымъ зажженнымъ ромомъ, и всѣ стараются выхватить изюмъ изъ огня. Синія руки среди пламени въ темной комнатѣ, шумъ, смѣхъ, визгъ! Это страшно и весело.

Такъ живутъ, учатся, играютъ и проводятъ лѣтніе каникулы и зимніе праздники дѣти въ Англии.

• А. Крапоткина.

Сѣверная легенда.

Снѣжными угорьями,
Бѣлыми равнинами
Проходили странники,
Странники усталые.

— Вы откуда странники,
Путь далеко-ль держите?
Отвѣчали странники:
— Путь мы держимъ посолонь.

За полями снѣжными,
За холмами дальними,
Въ тайнѣ ночи сѣверной
Солнце нарождается.

Снѣжными дорогами
Мы идемъ, усталые,
Къ свѣтозарнымъ куполамъ
Солнечныхъ обителей.

— Что же въ даръ несете вы,
Странники убогіе?
Серебро-ли, золото-ль,
Скатные-ли жемчуги?

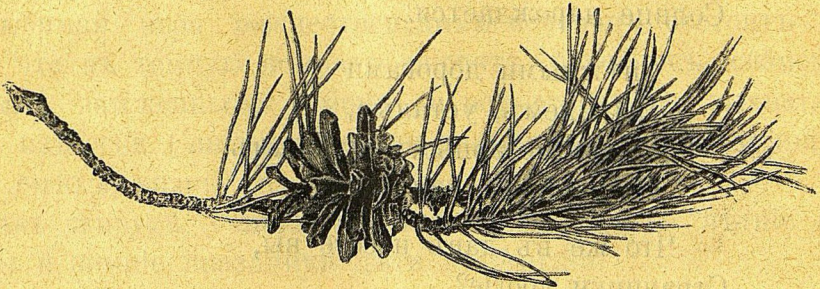
Поснимали странники
Сумки переметныя,
Разложили по снѣгу
Даръ свой: вѣтки свѣжія

Ельника, сосенника
Въ серебристомъ инеѣ,
Вереска зеленого,
Терпкаго брусничника.

— Мы преддверье свѣтлое
Солнечныхъ обителей
Уберемъ съ молитвою
Вѣтками душистыми,

Знаменуя радостно
Вѣру неослабную
Вѣчно юной зеленью
Дальней нашей родины.

О. Бяляевская.

ХВАЛА ПРЕСВЯТОЙ ДѢВѢ.

Moderato

mano
tratto

more
allegro

ХВА ЛН ТЕ МА рЮ ду шой и ус ТА МИ, НА
Lo da te Ma р а, о lin gue fe de Li, ri

ПОЛ НИ ТЕ НЕ БО ХВА А ЛЕ НІЙ СЛО ВА МИ ХВА
Suo ri nel cie lo la vo стра ат то пи а Lo

ЛН ТЕ, ХВА ЛН ТЕ, ХВА ЛН ТЕ МА РЮ ХВА
da te, lo da te, lo da te Ma р а Lo

ЛН ТЕ, ХВА ЛН ТЕ, ХВА ЛН ТЕ МА РЮ!
da te, lo da te, lo da te Ma р а!

Lodate Maria.

Хвала Пресвятой
Дѣвѣ.

Lodate Maria,
O lingue fedeli,
Risuni ne cieli
La vostra armonia.

Хвалите Марію
Душой и устами,
Наполните небо
Хваленій словами.

Maria, sei Giglio
Di puri candori,
Che il cuore innamori
Del Verbo tuo figlio.

Марія, невиннѣй
Ты лилій въ долинь—
Любимая въ Словѣ,
Божественномъ Сынѣ.

Di luce divina
Sei nobile Aurora;
Il sole t'adora,
La luna t'inchina

Ты Божьяго свѣта
Зарю воплотила,
Тебѣ поклонились
Господни свѣтила.

Con piede potente
Il capo nemico
Tu premi all'antico
Maligno serpente.

И ты всемогущей
Стопою своею
Главу сокрушила
Коварному змѣю.

Il puro tuo seno
Die' cibo e ricetto
Al gran Pargoletto
Gesù Nazareno.

Dia regni beato
Fra angelici cori,
Con canti sonori
Da tutti esaltata.

Il cielo ti dona
Le grazie più belle
E un giro di stelle
Ti forma corona.

O Madre de Dio
E mistica Rosa,
Soccorri, pietosa,
Lo spirito mio.

Ad ogni strofa si ripete:

Lodate, lodate,
Lodate Maria.

Ты кормишь,—у груди
Пречистой лелѣя,—
Младенца Святого,
Христа Назаряя.

Царишь ты, Благая,
Средь хоровъ небесныхъ,
Тебя прославляютъ
Въ напѣвахъ чудесныхъ.

И прелестью Небо
Тебя надѣлило,
Тебя увѣнчали
Коронай свѣтила.

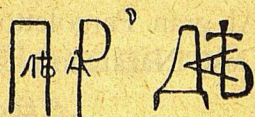
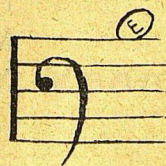
Свещенная Роза,
О, Матерь Христова,
Спаси мою душу
Подъ сѣнью покровя.

Послѣ каждой строфы
повторяется:

Хвалите, хвалите,
Хвалите Марию.

Перевела съ итальянскаго *О. Чюмина.*

Ребусъ № 9.

Шарады.

8. Слогъ первый буквою согласной называется,
Вода въ послѣдній слогъ мой наливается,
А весь—изъ множества составленъ я искусстно
И пищею служу полезною и вкусной.

9. Мой первый слогъ—чудовище съ крылами.
Послѣдній слогъ—въ лѣсу произрастаетъ.
А все мое бываетъ въ классѣ съ вами
И часто вамъ работать помогаетъ.
Но вы, его работу не цѣня,
Ее храните рѣдко больше дня.

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 23-мъ №.

Ребусъ № 8.

Вмѣсто того, чтобы слѣдить за поступками другихъ,
слѣди за самимъ собой.

Загадки.

1. Мухоморъ. 2. Зарница въ тучѣ. 3. Метель. 4. Колчанъ,
лукъ и стрѣлы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909 годъ
на ежемѣсячный литературный, научный и политическій журналъ

„СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ“

ХІХ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Журналъ издается при ближайшемъ участіи **Ө. Батюшова, Н. Вейдемюллера, Ник. Гюрданскаго, Вл. Крапихфельда, М. Куприной, А. Куприна, М. Невердомскаго и Е. Тарле.**

Въ 1909 г. будутъ напечатаны: Микробы—разск. **Леониза Андреева**; Изъ книги „Храмъ солнца“—разск. **Ив. Бунина**; „Къ жизни“—ром. **В. Вересаева**; „Мистерія“—разск. **С. Гусева-Оренбургскаго**; „На берегу залива“—разск. **А. Кипена**; „Мужъ“—разск. **Марка Кривицкаго**; „Уздный городъ“—разск. **А. Куприна**; рассказъ **Малина-Сибиряка**; рассказъ **Н. Олигера**; рассказъ **И. Потапенко**; рассказъ **А. Серафимовича**; „Пятна“—изъ ром. **С. Сергѣева-Ценскаго**; Изъ японскихъ разск. **В. Стрешевскаго**; „Жертвы дракона“—ром. изъ жизни первобыт. человечества **Тана**; Очерки полярной охоты—его же; „Товарищи“—разск. **А. Федорова**; „Герой на часъ“—воспом. о Гаповѣ **Льва Дейча**; „Къ критикѣ махизма“ **Л. Ансельродъ (Ортодоксъ)**; „Эдгаръ Поэ“—**Е. Аничкова**; „Современный капитализмъ и его денежный аппаратъ“ **М. Бернацкаго**; „Ростъ государств. бюджетовъ“ **М. Боголѣзова**; статья по теоріи исторіи проф. **Р. Виппера**; „Чернышевскій и 1848 г.“ **Евг. Лядкаго**; „Итоги хозяйств. эволюціи Россіи въ послѣдніе годы“ **П. Маслова**; „Къ звѣздамъ“—изъ астроном. разск. **Н. Морозова**; „Вопросы духа въ молодой скандин. литературѣ“ **Гр. Полонскаго**; „Соціологическія ученія отъ О. Конта до нашего времени“ **Е. Тарле**; „Пересмотръ основъ дарвинизма“ проф. **К. Тихирязева**; рядъ статей **В. Агафонова** о новѣйшихъ успѣхахъ науки и мн. др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: годъ—8 руб.; полгода—4 руб.; 3 мѣс.—2 руб.; съ дост. и пер. Заграницу: 12 руб.—годъ; 6 руб.—полгода. Въ Спб.—7 руб.—годъ; 3 руб. 50 к.—полгода безъ дост. Допускается разсрочка годовой платы. Адресъ конторы: Спб., Надеждинская 41.

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Оглавленіе.

Стихи.

	Стр.		Стр.
1) Въ Рождественскую ночь. О. Чюминой	8	29) Магъ. Н. Новича	745
2) Въ серебряномъ царствѣ. О. Бѣляевской	59	30) Тучи. М. Пожаровой	777
3) Снѣговикъ. М. Пожаровой	99	31) Хоромы Краснаго Солнышка. О. Бѣляев- ской	821
4) Снѣжинка. Е. Ганейзера.	114	32) Народныя пѣсенки: I. Веселье. II. Котъ и кошка	835
5) Величаніе. Н. Новича	153	33) Ящерица. С. Городецкаго	861
6) Встрѣча. О. Бѣляевской	175	34) Снѣгурочка. О. Бѣляевской	917
7) Узорный сарафанъ. К. Бальмонта	189	35) Христось родился. К. Бальмонта	965
8) Жалобы снѣговика. М. Пожаровой	212	36) Сѣверная легенда. О. Бѣляевской	1013
9) Благовѣщенье. П. Соловьевой	230	37) Хвала Пресвятой Дѣвѣ—Итальянская дѣт- ская пѣсня. Музыка Лоренцо Перози. Переводъ итальянскаго текста А. О. Чю- миной	1015
10) Синій вечеръ. В. Малахѣевой-Мировичъ	239		
11) Присказка. Сказочка. О. Бѣляевской	250		
12) Золотые человѣчки. О. Бѣляевской	263		
13) Наша Груша. Н. Новича.	272		
14) Испанскія дѣтскія пѣсенки. К. Бальмонта	288		
15) Самая бѣлая березка. С. Городецкаго	299		
16) Старый мѣсяцъ. П. Соловьевой	334		
17) Свѣтлый странникъ. О. Бѣляевской	359		
18) Вѣной. И. Бѣлоусова	377		
19) Золотое слово. К. Бальмонта.	411		
20) Ночью. А. Блока	451		
21) Моряночка—старинная народная пѣсня	459		
22) Народныя пѣсенки: I Мыши. II Совиныя дѣти	478		
23) Ручей. Л. Зарянскаго	483		
24) Разговоръ. М. Пожаровой	515		
25) Лѣсныя затѣи. М. Пожаровой	547		
26) Разлука. Н. Новича	585		
27) Расцвѣтъ вереска. М. Пожаровой	675		
28) Чудо съ порфирю Св. Елизаветы. Л. Бѣль- скаго	711		

Повѣсти, рассказы, сказки и легенды.

1) Тамъ, гдѣ золото. А. Вережникова	9, 69, 101
2) Въ буранѣ. Ив. Кондурушкина	61
3) Варнакъ. О. Коржинской.	111
4) Отчего свѣгъ бѣлый. М. Ковалевской	115
5) Семилѣтка. П. Соловьевой	141
6) Тараканъ. Е. Иванова	155
7) Мурзилка и Базиль. Ю. Насвѣтовой	190
8) Медвѣдь-грамотей. Н. Манасеиной	231
9) Веснянка. Н. Манасеиной	264
10) Забытыя игры. Н. Троицкаго	280
11) Звонарь. С. Кондурушкина	301
12) Писанки. Н. Манасеиной	326
13) Ганьдейкина жизнь. Ив. Кондурушкина	360, 412, 452, 484

	Стр.		Стр.
14) Бальдеръ. А. Герцкѣ	368	15) Божья коровка. К. Соколова	526
15) Сонъ-трава. Н. Манасеиной	391	16) Улитка. К. Соколова	566
16) Старикъ. Е. Волочковой	424	17) Лѣсной докторъ. К. Соколова	595
17) Братья и сестра. Ив. Кондурушкина	499	18) Искатель правды. З. Гишпіусъ	617
18) На чужой сторонѣ. В. Поливанова 516, 549, 586		19) Левъ Николаевичъ Толстой. П. Мамаева	624
19) Жобылица-златаница. Ив. Кондурушкина	676	20) Дѣтство. Н. Манасеиной	634
20) Прудъ. Е. Иванова	713	21) Ясно-Полянская школа. В. Успенскаго	650
21) Васильки. П. Соловьевой	719	22) У Л. Н. Толстого. И. Гинцбурга	662
22) Народные рассказы: I. Таволга — деревцо. II. Перепелка. III. Сова. IV. Сколько бы- ваетъ на свѣтѣ „погодъ“. Н. Рябинина	732	23) Въ Ясной Полянѣ. Е. Стамова	669
23) Охота. Ив. Кондурушкина	747	24) Тригорское. Е. Шведера	694
24) Сказка о добромъ молодцѣ и о быстрой рѣчкѣ Смородинѣ. В. Поливанова	754	25) Въ поискахъ за мамонтами. А. Бахтіа- рова	698, 725
25) Камешекъ. Б. Власова	779, 322, 863	26) На могилѣ А. С. Пушкина. Е. Шведера	721
26) Легенда о праведномъ Ноѣ, змѣѣ, ко- марѣ и ласточкѣ. П. Соловьевой	799	27) „Добрый русскій великанъ“. З. Венгери- вой	929
27) Желторотые. Н. Манасеиной	836		
28) Великанъ и карликъ П. Соловьевой	885		
29) Волчица. Н. Шапиръ	919		
30) Волшебница. Н. Манасеиной	966		
31) За Христомъ. П. Соловьевой	996		
32) Дѣти въ Англіи. А. Крапоткиной	1004		

Біографія и научныя статьи.

1) Мадонна въ креслѣ Рафаэля Санціо	3
2) Первый баснотворецъ Эзопъ Н. Манасеиной	47
3) Домикъ А. С. Пушкина. Е. Шведера	65
4) Какъ человѣкъ побѣдилъ темноту. Д. Коре- нева	82
5) Какъ дѣлаютъ стекло. А. Бахтіарова	119, 177
6) Шекспиръ. И. Глѣбова	128
7) Исторія борьбы человѣка съ водою. Д. Коре- нева	215
8) Бабочка въ шкапу. К. Соколова	290
9) Вечерніе огни. З. Венгеровой	317
10) Цвѣтущая старость. П. Соловьевой	394
11) Де-Амичисъ. Е. Соловьевой	421
12) Майскій жукъ. К. Соколова	431
13) Какъ птицы спятъ. К. Соколова	461
14) Птичьи ванны. К. Соколова	495

Театральныя пьесы.

1) Новый годъ. П. Соловьевой	17
2) Няня. П. Соловьевой	

Переводы.

1) Буря—Лэмъ. Переводъ съ англійскаго И. Глѣбова	164, 203
2) Кошка, ходившая въ одиночку—Киплинга. Переводъ съ англійскаго А. Мень- шова	240, 273
3) Путешествіе водяной капли. Переводъ съ съ нѣмецкаго К. Крымова	252
4) Принцъ Бобикъ и принцесса Горошинка— Шарля Нодье. Переводъ съ француз- скаго Н. Манасеиной	336, 378
5) Голосъ природы. (Вукъ)—Джека Лондона. Переводъ съ англійскаго Н. Манасеи- ной	400, 437, 466, 503, 532, 569, 601
6) Гномы. Переводъ съ польскаго К. Гинз- бургъ	474
7) Чернильные человѣчки. Переводъ съ англійскаго М. Риттеръ	524
8) Удивительныя деревья. Переводъ съ англійскаго И. Глѣбова	705

Стр.

Стр.

- 9) Море—Мишля. Сокращенный переводъ съ французскаго П. Соловьевой 737, 767, 813, 850, 904
- 10) Репейникъ. Переводъ съ нѣмецкаго Е. М. 805
- 11) Растенія—фонтаны. Переводъ съ англійскаго А. М. 847
- 12) Кошки кардинала Ришелье. Переводъ съ французскаго Т. Поповой. 898

- 6) Молебень во время засухи. Картина Г. Мясоѣдова. 455
- 7) Л. Н. Толстой. Портретъ работы И. Рѣпина. 618
- 8) Л. М. Толстой. Портретъ работы И. Крамского. 635
- 9) И. С. Тургеневъ. Портретъ работы Перова 929

Картины и портреты.

- 1) Мадонна въ креслѣ (Della sedia) Рафаэля Санціо 5
- 2) Семилѣтка. Рисунокъ М. В. Нестерова. На отдѣльномъ листѣ
- 3) Благовѣщенье. Рисунокъ М. В. Нестерова. На отдѣльномъ листѣ
- 4) Бѣдный ужинъ. Картина Максимова . . 418
- 5) Проводы новобранца. Картина И. Рѣпина. 454

Смѣшныя картинки.

- 1) Неудачное предложеніе. Картинки со стихами Амъ. 351
- 2) Чудесный заяцъ. 448
- 3) Радостная встрѣча. Стихи Амъ. . . . 582
- 4) Ловкіе ворышки. Амъ. 913

Ребусы, шарady, загадки и развлеченія.

52, 55, 56, 91, 93, 96, 136, 182, 184, 186, 221, 223, 225, 260, 295, 354, 355, 480, 512, 543, 544, 708, 818, 858, 960, 961.

Отъ кохторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагають 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворяетъ не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-ій р., къ 1-му Мая.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Открыта подписка на 1909 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

4-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 ян.
въ годъ.

Журналъ выходитъ 1 и 15 **каждаго мѣсяца** въ 2—3 печатныхъ листа и предназначается для дѣтей **средняго** возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:

К. Вальмонтъ, А. Бахтіаровъ, М. С. Безобразова, А. Блокъ, Л. Вѣльскій, О. Бѣляевская, Л. Василевскій, З. Венгерова, А. Вережниковъ, Е. Волочкава, И. Гиндбургъ, З. Гиппіусъ, С. Городецкій, Ф. Домбровский, О. Дымовъ, Е. Елеонская, К. Ельцова, Вячеславъ Ивановъ, Е. Ивановъ, А. Коваленская, И. Кондурушкинъ, С. Кондурушкинъ, проф. Н. Котляревскій, А. Купринъ, Кл. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасеина, Д. Мережковский, В. Малахіева-Мировичъ, Н. Михайловъ, Ю. Насвѣтова, Л. Нелидова, Н. Новичъ, Э. Пименова, В. Поливановъ, А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, М. Сабашникова, К. Соколовъ, О. Сологубъ, П. Соловьева, (Аллего), С. Соловьевъ, Евг. Соловьева, В. Успенскій, Н. Шапиръ, Е. Шведеръ, К. Чуковский, О. Чюмина, Е. Юнге и мн. др.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ:

И. Вилибинъ, Т. Гиппіусъ, В. Замирайло, Е. Кавось-Зарудная, Д. Кругликова, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Нестеровъ, П. Соловьева (Аллего), М. Сабашникова, Е. Чичагова-Россинская, Е. Юнге и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой 3 руб.,
на полгода 2 руб., за границу 5 руб.

Комплекты 1906 и 1907 гг. всѣ разошлись

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печниковой, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Маріинскаго театра, № 6.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели Л. Соловьева и Н. Манасеина.

При этомъ № всѣмъ подписчикамъ разсылаются иллюстрированныя объявленіе «Природа и Люди» на 1909 годъ.

